

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2010 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/151/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2010 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО “САДЫКОВ ПРОТИВ РОССИИ”

(Жалоба № 41840/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

7 октября 2010 года

***ВСТУПИЛО В СИЛУ
21 февраля 2011 года***

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле «Садыков против России»

Европейский суд по правам человека (Первая секция), Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Председатель*,

Нина Вайич,

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Ханлар Хаджиев,

Джорджио Малинверни,

Джордж Николаи, *судьи*,

и Сёрен Нильсен, *Секретарь секции*

Заседая за закрытыми дверями 16 сентября 2010 года,

Вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Настоящее дело было инициировано жалобой (№41840/02) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со Статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином Российской Федерации г-ном Алаудином Магомедовичем Садыковым («заявитель») 15 февраля 2001 года.

2. Интересы заявителя, которому по решению Суда компенсированы расходы по оказанию юридической помощи, представляли в Суде адвокаты «Правовой инициативы по России», организации с головным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации (далее – Правительство) изначально представлял в Суде бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-н П.А.Лаптев, а затем его Представитель - г-н Г. Матюшкин.

3. Заявитель жаловался, в частности, на жестокое обращение в период его содержания под стражей и на отсутствие эффективного расследования этих событий. Он также жаловался на незаконное изъятие его имущества и отсутствие эффективных средств правовой защиты от нарушений его прав. Заявитель сослался на Статьи 3 и 13 Конвенции и на Статью 1 Протокола № 1 Конвенции.

4. 29 августа 2004 г. Председатель Первой секции принял решение в соответствии с Правилом 41 Регламента Суда о разбирательстве данной жалобы в приоритетном порядке.

5. Решением от 22 января 2009 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили свои письменные замечания (пункт 1 Правила 59 Регламента).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1950 году и проживает в г. Грозном, Чеченская Республика.

A. Факты

8. Заявитель сообщает, что испытывает трудности при попытках связного и хронологически упорядоченного изложения событий, имевших место во время и после его содержания под стражей. Из-за жестокого обращения в заключении заявитель страдает провалами в памяти. Ему также, с психологической точки зрения сложно вспоминать подробности жестокого обращения, которому он был подвергнут, находясь под стражей.

9. Заявитель является владельцем частного дома и гаража по адресу: ул. Флотская, д.94, Октябрьский район, г. Грозный. В тот момент, когда произошли относящиеся к делу события, он жил в доме один, поскольку его родственники уехали из Грозного после возобновления боевых действий в октябре 1999 года. Заявитель остался в Грозном, чтобы присматривать за домом и имуществом. Имущество составляли личные вещи заявителя и его родственников: мебель, аудиосистема, спутниковая антенна, два автомобиля «Subaru» и один «Oldsmobile». В период с конца 1999 - начала 2000 года заявитель жил в доме только эпизодически из-за частых обстрелов. С конца января 2000 года он жил в доме постоянно.

10. На момент, когда произошли относящиеся к делу события, заявитель, школьный учитель по профессии, работал в *группе захоронения при Министерстве Чеченской Республики по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям*. Он также помогал жителям Октябрьского района Грозного с доставкой питьевой воды и продуктов.

1. События, произошедшие в период с 5 марта по 24 мая 2004 года

(a) Версия заявителя

(i). Задержание заявителя

11. 5 марта 2000 года около 10 часов утра, когда заявитель раздавал питьевую воду жителям Октябрьского района, на двух УАЗах подъехали представители федеральных сил, которые спросили, как добраться до определенной улицы. Заявитель и некоторые другие жители объяснили военным, как найти улицу, но командир группы попросил заявителя поехать с ними и показать дорогу. Заявитель согласился. Заявитель представил показания двух очевидцев, жителей Октябрьского района, подтвердивших этот эпизод.

12. Когда они прибыли на улицу, которую искали, заявитель попросил выпустить его, но вместо этого один из представителей федеральных сил ударил его в область почек и надел ему мешок на голову. Заявителю приказали молчать и доставили его во *временный отдел внутренних дел*

Октябрьского района г. Грозного (Октябрьский ВОВД). Заявитель утверждает, что арестовавшие его лица не знали его имени, поскольку не проверили документов.

(ii). Содержание заявления 5 марта 2000 года

13. В Октябрьском ВОВД в течение нескольких часов сотрудники запугивали заявителя и издевались над ним. В частности, они жестоко его избили, отрезали ему волосы и заставили их жевать и глотать, прижимали раскаленный гвоздь к его рукам, лбу, ноздрям и языку, и вырезали на лбу ножом или гвоздем оскорбительное слово «Чичик».

14. Сотрудники ВОВД допрашивали заявителя, но не вели протокол допроса. Они спросили заявителя, где он воевал в качестве боевика и почему у него в кармане список имен. Заявитель ответил, что он учитель, никогда не воевал, а в списке имена жителей Октябрьского района Грозного, которым он раздавал воду. Сотрудники ВОВД, по-видимому, не поверили ему. Они сказали ему, что он не выйдет из ВОВД живым.

15. Затем сотрудники ВОВД отвели заявителя в подвал, поставили к стене и начали стрелять в стену по обеим сторонам от него. После этого они сказали заявителю, что ему «еще не пора умирать» и что они «еще недостаточно с ним позабавились» и ушли.

16. Через некоторое время они вернулись в подвал с несколькими другими сотрудниками и начали «играть в футбол» с заявителем. Они сбили его с ног и в течение около двух часов пинали ногами и подбрасывали на бетонном полу. Периодически заявитель терял сознание, но его приводили в себя. По словам заявителя, в результате этой пытки он потерял большую часть зубов, ему сломали ребра, челюсти, руку и ногу.

(iii). Обыск в доме заявителя 5 марта 2000 года

17. Около 5 часов вечера один из сотрудников ВОВД предложил пойти домой к заявителю, чтобы «изъять оружие», и туда отправилась группа примерно из 11 сотрудников ВОВЖ на двух УАЗах. Заявителя положили в кузов одной из машин.

18. На месте милиционеры заставили заявителя отпереть все двери в доме и гараже и начали поиски. Они не предъявили ордер на обыск и не вызвали понятых. Обыск продолжался несколько часов. Милиционеры прошли все комнаты, подвал, осмотрели гараж и забрались на крышу. Заявитель сообщает, что не мог следить за действиями всех сотрудников ВОВД одновременно. В какой-то момент обыска один из милиционеров вызвал заявителя в коридор, показал ему предмет, напоминавший кусок мыла, который впоследствии оказался тротиловой шашкой, и спросил, что это такое. Милиционер утверждал, что нашел этот предмет на полке с посудой. Заявитель ответил, что он не может определить, что это за предмет, поскольку видит его в первый раз.

19. После обыска заявителя снова в кузове отвезли в Октябрьский ВОВД. Там его приковали наручниками к батарее.

(iv). Нахождение Заявителя под стражей 6-10 марта 2000 года

20. Следующие два дня заявитель провел прикованным к батарее в

ожидании, пока построят новую камеру.

21. В один из этих дней к заявителю пришел следователь, г-н П., и допросил его. Он спросил, где заявитель взял тротилловую шашку. Заявитель отрицал, что у него когда-либо имелись взрывчатые вещества, и настаивал на том, что тротилловую шашку ему подбросили в ходе обыска 5 марта 2000 года. Тогда следователь позвал двух мужчин в масках, которые избили Заявителя до потери сознания. Позднее в тот же день эти двое вернулись и снова избили его. Заявитель сообщает, что в течение двух следующих дней у него было кровохарканье, и он не мог встать.

22. Примерно 7 марта 2000 года сотрудники ВОВД дважды помещали его в кузов милицейской машины и какое-то время так возили.

23. 7 марта 2000 года Заявителя перевели в построенную новую камеру. Через некоторое время в камеру к заявителю поместили еще одного заключенного и еще двух поместили в соседнюю камеру.

24. 10 марта 2000 года следователь сообщил заявителю, что экспертиза предмета, найденного у него в доме, подтвердила наличие взрывчатого вещества. Следователь не показывал заявителю заключение экспертизы.

(v). События 11 марта 2000 года

25. 11 марта 2000 года вечером трое военных подошли к камере заявителя и приказали охранникам открыть ее. Охранники, которые, по видимому, боялись этих людей, выполнили приказ. Заявитель сообщает, что вошедшие были пьяны, и на одном из них была маска. Они стали бить заявителя. Через некоторое время один из них поставил ногу на заявителя, лежавшего на полу, вынул нож и отрезал Заявителю левое ухо. Он также заявил, что отрежет заявителю голову, и провел ножом по его горлу, оставив царапину. Заявитель сообщает, что у этого человека были усы в форме подковы. Затем в камеру вошел еще один человек и сфотографировал истекающего кровью Заявителя и отрезанное ухо. Заявитель утверждает, что человек, который фотографировал, был узбеком по имени Андрей и служил охранником в Октябрьском ВОВД.

26. Заявитель представил показания своего сокамерника, который был свидетелем жестокого обращения с Заявителем. Заявитель также ссылается на слова мэра того времени Грозного Бислана Гантимирова, который в интервью еженедельнику «Грозненский рабочий» (17-24 марта 2000 года) сказал, что у него есть «свидетель, видевший, как заместитель начальника Октябрьского ВОВД отрезал ухо заключенному-чеченцу».

27. Затем сотрудники ВОВД ушли в соседнюю камеру, где содержались двое других заключенных. Заявитель утверждает, что слышал крики и стоны, которые становились все тише и тише и затем умолкли. Заявитель с тех пор никогда не видел заключенных из соседней камеры.

(vi). Нахождение заявителя под стражей 12-18 марта 2000 года

28. Утром 12 марта 2000 года, когда заявитель и его сокамерник спали, охранники заставили их встать, надели им на головы мешки и повели их в небольшое помещение. Через несколько часов заявителя и его сокамерника вернули в их камеру, которая к тому времени была тщательно вымыта. Заявитель видел и другую камеру, поскольку ее двери были широко

распахнуты. Камер была чистой, и заключенных в ней не было. Заявитель считает, что, по всей видимости, руководство ВОВД спрятали его и других заключенных от комиссии, которая посещает отделения милиции и проверяет обращение с заключенными.

29. Примерно 13 марта 2000 года заявителя посетил представитель *прокуратуры г. Грозного* г-н Л. и предупредил заявителя, что тот не должен никому рассказывать, что потерял ухо, когда находился под стражей. Вместо этого заявитель должен был говорить, что ухо отрезали чеченские боевики.

30. Примерно 16 марта 2000 года заявителя посетил военный врач по имени Геннадий. Он смазал заявителю рану на месте уха мазью, но не перевязал. Он также не осмотрел заявителя и не лечил другие его травмы. По словам заявителя, во время заключения его несколько раз осматривали врачи, но они ни разу не осматривали и не лечили его ухо.

(vii). Нахождение заявителя под стражей 19-24 марта 2000 года

31. Примерно 19 марта 2000 года заявителя перевели в подвал другого здания Октябрьского ВОВД, где и держали до освобождения 24 марта 2000 года.

32. Подвал был разделен на два помещения. Одно из их площадью примерно 48 кв. м (8х6 м), использовалось как пыточная камера, там были различные орудия, в том числе топор, молоток, кувалда, лопата и ножницы. Заявитель сообщает, что ему однажды приказали убирать в этом помещении, и он заметил пятна крови даже на потолке высотой 3 м.

33. Другое помещение площадью примерно 9 кв.м (3х3 м) использовалось как камера. За время нахождения заявителя под стражей там держали от 12 до 15 заключенных. Заявитель утверждает, что много раз его сокамерников уводили в соседнюю комнату и пытали. Он слышал их крики. Иногда дверь между двумя помещениями оставляли открытой, и заявитель видел, как жестоко обращались с его сокамерниками. Они возвращались в камеру избитые, двое из них лишились пальцев, а еще одного принесли без сознания.

34. Несколько раз следователь допрашивал заявителя о предмете, который якобы нашли в его доме 5 марта 2000 года. Заявителя заставили подписать признательные показания о том, что предмет принадлежит ему. Следователь также допросил заявителя о том, чем занимались его соседи. Протоколы этих допросов не велись.

35. Время от времени охранники переводили заявителя из его камеры в другие комнаты на короткое время — очевидно, во время инспекции — а затем приводили обратно.

(viii). Поиски заявителя

36. В марте 2000 года сестра заявителя, г-жа Л.С. и двоюродная сестра, г-жа Х.З. узнали, что заявитель исчез. Они вернулись в Грозный и начали его поиски.

37. Они обращались лично и в письменном виде в военную комендатуру, Октябрьский ВОВД, местную администрацию, следственный изолятор Чернокозово, на базу федеральных сил в Ханкале и в морг, но безрезультатно.

38. Через некоторое время сестра заявителя получила информацию о том, что его видели в Октябрьском ВОВД. В течение следующих нескольких недель сестра и двоюродная сестра заявителя безуспешно обращались в Октябрьский ВОВД с вопросами о Заявителе.

39. В апреле 2000 года родственникам заявителя удалось поговорить со следователем, который сказал им, что милиция обнаружила в доме заявителя взрывчатку. Г-жа С. ответила, что это неправда и ее брат никогда не участвовал в военных действиях. Родственники заявителя попросили о встрече с ним, но получили отказ. Тем не менее, им позволили послать ему записку и чистую одежду. Старую одежду заявителя вернули сестре, которая, осмотрев одежду, увидела кровь на плече и спине рубашки.

40. В течение следующих нескольких недель родственники заявителя безуспешно просили разрешения увидеться с ним.

41. 12 мая 2000 года на смену сотрудникам Октябрьского ВОВД приехали новые милиционеры из Ханты-Мансийского автономного округа. Через несколько дней г-же С. и г-же З. разрешили в течение 10 минут увидеться с заявителем в присутствии следователя. Им приказали говорить только по-русски. Родственники заявителя говорят, что он был весь опухший, у него было много шрамов и не было одного уха.

(ix). Освобождение Заявителя

42. 24 мая 2000 года следователь Октябрьского ВОВД вынес постановление о прекращении уголовного дела № 14206/03 о незаконном хранении взрывчатых веществ, возбужденного в отношении заявителя. В заявлении говорилось, что заявитель не жил в доме на постоянной основе из-за боевых действий и некоторое время дом занимали неизвестные вооруженные лица, которые, возможно, принесли с собой взрывчатку, и заявитель хранил ее непреднамеренно. Кроме того, в решении говорилось, что «после пребывания под стражей заявитель уже не представляет опасности для общества» и может быть освобожден. Также говорилось, что заявитель имеет право оспорить решение в прокуратуре или суде.

43. Позднее в тот же день заявителя освободили и вернули домой. По словам очевидцев, Заявитель был в очень плохом состоянии, опухший, истощенный, бледный, у него не было левого уха, недоставало зубов, и был перелом бедренной кости.

(b). Информация, представленная Правительством

44. Согласно Правительству, 5 марта 2000 года следственным отделом Октябрьского ВОВД было возбуждено уголовное дело №14206/03 в отношении заявителя по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 222 Уголовного кодекса России (незаконное хранение огнестрельного оружия и взрывчатых веществ).

45. Во время обыска, проведенного в доме заявителя, в соответствии с постановлением следователя 5 марта 2000 года было обнаружено и изъято взрывчатое вещество, являющееся 200-граммовой тротиловой шашкой согласно заключению экспертизы, с которым заявитель был ознакомлен.

46. В тот же день заявитель был задержан в качестве подозреваемого в соответствии со статьей 122 Уголовно-процессуального кодекса.

47. 6 марта 2000 года уголовное дело было направлено для производства в отделение дознания Октябрьского ВОВД.

48. 8 марта 2000 года исполняющий обязанности прокурора города Грозного санкционировал заключение заявителя под стражу на основании статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса.

49. 15 марта 2000 года в связи с наличием достаточных оснований заявителю были предъявлены обвинения в совершении преступления, предусмотренного статьей 222 Уголовного кодекса России. В ходе допроса заявитель не смог дать объяснения относительно взрывчатых веществ, обнаруженных в его дом.

50. 24 мая 2000 года отделением дознания Октябрьского ВОВД уголовное дело по обвинению заявителя прекращено на основании статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса, в частности, потому что он перестал представлять опасность для общества, и заявитель был освобожден.

51. 2 августа 2002 года прокуратурой Чеченской Республики постановление от 24 мая 2000 года было отменено и уголовное дело в отношении заявителя было возобновлено.

52. Согласно постановлению от 20 февраля 2006 года прокуратурой Чеченской Республики было прекращено уголовное дело в отношении заявителя в виду отсутствия состава преступления. Как говорится в постановлении, в частности, обыск, произведенный в доме заявителя 5 марта 2000 года, не был должным образом санкционирован и был проведен с нарушением норм процессуального права, в результате чего тротиловая шашка, якобы обнаруженная во время поиска, не может рассматриваться как убедительное доказательство причастности заявителя к вмененному ему преступлению, и по этой причине не было оснований для возбуждения против него уголовного дела.

2. Официальное расследование жалоб заявителя на жестокое обращение

(а). Жалобы заявителя в органы власти и представленная им информация

53. Вскоре после освобождения заявитель стал обращаться лично и в письменной форме в различные официальные инстанции с жалобами на незаконный арест и заключение, жестокое обращение во время содержания под стражей и обыск в доме. Впоследствии он жаловался в прокуратуры различных уровней на неэффективность расследования, указывая имена виновных, установленных в ходе следствия, и просил, чтобы они были привлечены к ответственности. Заявитель предпринимал эти действия при поддержке организации «Правовая инициатива по России» и своего адвоката. Согласно заявителю, большинство жалоб остались без ответа или ответами были формальные отписки, в которых сообщалось, что заявление передано в различные органы прокуратуры «для рассмотрения».

54. В частности, в неустановленный день он обратился с письменной жалобой к Генеральному прокурору России, в прокуратуру Чеченской Республики, Министерство внутренних дел Чеченской Республики и к двум другим высокопоставленным должностным лицам. В своей жалобе заявитель описал события, произошедшие в период с 5 марта по 24 мая 2000

года, и просил призвать к ответственности виновных в преступлении.

55. 23 октября 2000 года *Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации* отказался рассмотреть жалобу заявителя на том основании, что она нечеткая и не подтверждена соответствующими документами.

56. 1 марта 2001 года Генеральная Прокуратура РФ передала жалобу заявителя в прокуратуру Чеченской Республики.

57. Письмом от 22 марта 2001 года военная прокуратура войсковой части 20102 направила жалобу заявителя вместе с несколькими другими жалобами в прокуратуру Чеченской Республики.

58. 22 марта и 16 апреля 2001 года прокуратура ЧР направила жалобу заявителя на незаконное задержание «неизвестными военными» в прокуратуру города Грозного.

59. 4 и 25 июля 2001 года заявитель обратился в администрацию Октябрьского района Грозного и прокуратуру города Грозного с жалобой на хищение своего автомобиля Oldsmobile сотрудниками Октябрьского ВОВД.

60. 13 июля 2001 года организация «Врачи без границ» выдала заявителю медицинскую справку с перечнем последствий травм, нанесенных заявителю во время содержания под стражей. В справке говорится, что медицинский осмотр заявителя, проведенный 13 июля 2001 года, дал следующие результаты:

- «(Заявитель) носит зубные протезы на месте зубов 12-17, 22-27, 33-35, 42-45. Его собственные зубы были выбиты во время нахождения под стражей.
- Переносица искривлена, что дает основание предполагать сросшийся перелом.
- Отсутствует мочка левого уха, и хотя слуховой проход не заложен, слух в левом ухе понижен. Хорошо виден блестящий шрам, протянувшийся на 6 см от наружного слухового прохода к нижней части нижней челюсти и на 5 см к сосцевидному отростку височной кости, слегка заходя за нее.
- Имеется звездчатый шрам на ладони правой руки, дающий основание предполагать непроникающий ожог или рану. Он расположен напротив 4-й пястной кости.
- При пальпации ребер 8, 9 и 10 со стороны центральной оси прощупываются болезненные костные мозоли, вероятно, появившиеся в результате чистых переломов ребер.
- При пальпации верхней части нижней трети большеберцовой кости правой ноги прощупывается скрытая костная мозоль, которая может быть связана с переломом без смещения или с неполной трещиной большеберцовой кости».

61. 27 июля 2001 года заявитель подал жалобу в прокуратуру города Грозный с описанием обстоятельств его ареста, содержания под стражей и жестокого обращения, а также кражи своего имущества, и просил наказать виновных.

62. 28 июля 2001 года прокуратура города Грозный направила жалобу заявителя в Октябрьский ВОВД для проведения расследования.

63. 8 августа 2001 года из прокуратуры Чеченской Республики жалобу заявителя о жестоком обращении направили для рассмотрения в прокуратуру города Грозного.

64. 19 декабря 2001 года и 29 января 2002 года «Правовая Инициатива по России», действующая от имени заявителя, подала аналогичные жалобы

на события, произошедшие с 5 марта по 24 мая 2000 года, в прокуратуру Чеченской Республики.

65. В письме от 3 января 2002 года в ответ на запрос организации «Правовая Инициатива по России» прокуратура ЧР сообщила, что возбуждено уголовное дело по жалобам заявителя на жестокое обращение в Октябрьском ВОВД. В письме не указаны даты возбуждения уголовного дела и номер дела.

66. 13 апреля 2002 года заявитель написал запрос в прокуратуру Чеченской Республики с просьбой представить копии документов из его дела. Не ясно, была ли удовлетворена эта просьба.

67. 23 августа и 26 октября 2005 года, 25 сентября 2006 года и 22 января 2009 года заявителю сообщили, что по его жалобам возбуждено уголовное дело (см. далее пункты 137, 139, 145 и 153).

(b). Ход расследования

68. Согласно Правительству, 30 июня 2000 года заявитель подал жалобу в прокуратуру города Грозного, в которой утверждал, что он был незаконно задержан 5 марта 2000 года и подвергался жестокому обращению во время содержания под стражей со стороны сотрудников Октябрьского ВОВД.

69. 13 июля 2000 года прокуратурой Грозного было возбуждено уголовное дело по указанной жалобе и в соответствии с частью третьей статьи 286 УК РФ (злоупотребление властью при отягчающих обстоятельствах). Делу был присвоен номер 12088.

70. В меморандуме Правительства говорится, что заявитель был признан потерпевшим 18 июля 2000 года и допрошен 17 июля 2000 года, 25 августа и 19 октября 2001 года, 3 декабря 2003 года, 16 и 23 апреля и 1 ноября 2004 года. Он настаивал на своей версии событий и заявил, что не обращался в медицинские учреждения после освобождения.

71. 13 августа 2000 года следствие по делу было приостановлено в связи с неустановлением виновных.

72. 24 августа 2001 года прокуратурой Грозного было вынесено постановление о возобновлении расследования.

73. 30 августа 2001 года прокуратурой Грозного было возбуждено уголовное дело по части второй статьи 158 УК РФ (хищение имущества при отягчающих обстоятельствах) в связи с кражей неизвестными лицами автомобиля Oldsmobile, принадлежавшего заявителю. Делу был присвоен номер 15082 (см. далее пункт 97).

74. Решением от 5 сентября 2001 года следователь объединил в одно производство уголовные дела №12088 и №15082 под прежним номером (см. пункт [98](#) ниже).

75. В период с 24 сентября 2001 года по 18 июля 2002 года уголовное дело приостанавливалось и возобновлялось восемь раз (см. пункты 124 и 125 ниже). 18 июля 2002 года и.о. прокурора Грозного приказал объединить уголовное дело №12088 с двумя другими уголовными делами, касающимися похищений совершенных сотрудниками Октябрьского ВОВД, и исчезновений нескольких лиц.

76. 18 октября 2002 года расследование было приостановлено за неустановлением предполагаемых преступников, а затем возобновлено 15 ноября 2002 года.

77. Решением от 19 мая 2003 года следователь предъявил обвинения по статье 293 часть 2 УК РФ (халатность, злоупотребление должностными полномочиями при отягчающих обстоятельствах) в отношении г-на З., который на тот момент времени являлся начальником конвоя в изоляторе временного содержания в Октябрьском ВОВД ("ИВС Октябрьского ВОВД"), в отношении г-на З. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде. В тот же день следователь вынес постановление об объявлении г-на З. в федеральный розыск.

78. 20 августа 2003 года расследование было приостановлено в связи с розыском г-на З. (см. пункты 126-130 ниже), а затем возобновлено 26 ноября 2003 года.

79. В период с 3 декабря 2003 года по 7 февраля 2006 года следствие приостанавливалось из-за неспособности установить местонахождение г-на З., а затем вновь возобновлялось двенадцать раз (см. пункты 131-136, 138 и 140-142 ниже).

80. 20 февраля 2006 года следователь предъявил обвинение по статьям 283 часть 3(с) УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями при отягчающих обстоятельствах) и по статье 111 часть 3 УК РФ (преднамеренное причинение серьезных повреждений чужому здоровью) в отношении г-на Д., который на тот момент был заместителем командира *специальной огневой группы* Октябрьского ВОВД. В отношении г-на Д. избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, и он был объявлен в федеральный розыск.

81. 25 февраля 2006 года в соответствии с решением от 19 мая 2003 года обвинение по статье 283 части 3 (а) и (с) УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями при отягчающих обстоятельствах) было предъявлено г-ну З.

82. Постановлением от 2 марта 2006 года в отношении г-на Я., который был на тот момент заместителем начальника Октябрьского ВОВД, была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде, и он был объявлен в федеральный розыск. 6 марта 2006 года аналогичное решение было принято в отношении г-на Б., который в соответствующий период был главой ИВС Октябрьского ВОВД.

83. В период с 7 марта 2006 года по 9 января 2007 года следствие по делу приостанавливалось по причине невозможности установить местонахождение подозреваемых и обвиняемых и возобновлялось четыре раза (см. пункты 143-148 ниже).

84. Согласно Правительству, 16 марта 2007 года г-ну Б. было официально объявлено обвинение в превышении должностных полномочий. Во время допроса г-н Б. отрицал все обвинения и сослался на закон «Об амнистии», в связи с чем уголовное дело против него было прекращено 20 марта 2007 года.

85. В период с 28 мая 2007 года по 19 января 2009 года расследование приостанавливалось по причине невозможности установить местонахождение подозреваемых и обвиняемых и возобновлялось шесть раз

(см. пункты далее 149-150).

86. В последний раз следствие было приостановлено 21 февраля 2009 года по причине невозможности продолжать расследование в отсутствие г-на З., г-на Д. и г-на Б., местонахождение которых установить не удалось.

87. Правительство заявило, что ряд следственных мер был предпринят в ходе расследования. В частности, власти допросили многих сотрудников милиции, проходивших службу в Октябрьском ВОВД в соответствующий период времени. Правительство утверждало, что г-н П., который находился в командировке в г. Грозный в должности старшего дознавателя, заявил, что во время допроса в период содержания под стражей заявитель утверждал, что за день до задержания четверо или пятеро неизвестных лиц отрезали ему ухо. Г-н П. также заявил, что заявитель получил необходимую медицинскую помощь в период его содержания под стражей (см. пункты 184-186 ниже). Согласно Правительству, г-н Д., исполнявший обязанности начальника Октябрьского ВОВД в соответствующее время, дал аналогичные показания о телесных повреждениях заявителя в период задержания (см. пункт 199 ниже). Г-н Кир., который был сотрудником ИВС Октябрьского ВОВД в соответствующее время, пояснил, со слов заявителя, что ухо ему отрезали за день или два до задержания неизвестные члены незаконных вооруженных формирований за отказ заявителя от сотрудничества с ними (см. пункт 201 ниже). Аналогичные показания дал г-н Я., работавший заместителем начальника Октябрьского ВОВД (см. пункт 202 ниже). По мнению Правительства, последний был также допрошен 11 апреля 2007 года в связи с кражей автомобиля Oldsmobile, принадлежавшего заявителю, но он отрицал свою причастность к этому преступлению.

88. Правительство заявило, что власти также допросили ряд других должностных лиц, которые служили в Октябрьском ВОВД, и лиц, которые содержались там в 2000 году. Все они показали, что у них не было информации о предполагаемых преступниках. 4 сентября 2001 года, 9 октября 2001 года и 15 ноября 2004 года следствием был установлен и допрошен г-н К., который сидел в одной камере с заявителем. Он заявил, что видел, как неизвестные лица проникли в камеру изолятора, где они содержались, и отрезали ухо заявителю (см. пункты 181-183 ниже). Согласно Правительству, при предъявлении для опознания заявителю и свидетелю фотографий возможных преступников, заявитель и г-н К. указали на разных лиц.

89. Правительство также заявило, не указав даты, что во время расследования заявитель проходил судебно-медицинскую экспертизу. Согласно Правительству, было зафиксировано наличие телесных повреждений, в том числе потеря слуха в левом ухе, что является тяжким вредом для здоровья, и другие повреждения, квалифицированные как вред здоровью средней тяжести.

3. Имущество заявителя

(а) Ущерб, причиненный имуществу заявителя

90. Заявитель утверждает, что по возвращении домой, 24 мая 2000 года

он обнаружил, что его собака застрелена, дом частично сожжен, а его имущество, состоявшее из личных вещей заявителя и его родственников (мебель, аудиосистема, спутниковая антенна-тарелка), было разграблено. В доме не осталось ничего ценного. Два автомобиля «Subaru» и «Oldsmobile» заявителя отсутствовали. Позднее он узнал от соседей, что пока он был в заключении, мужчины в масках, передвигавшиеся на одном из его автомобилей и на БТР, многократно приезжали в его дом и забирали его имущество. Они предупредили соседей заявителя, чтобы те не подходили близко к его дому, потому что они его заминировали.

91. В один из дней заявитель составил список имущества, украденного за время его заключения, и указал, что понесенный материальный ущерб составил 158.120 долларов США. Список заверен администрацией Октябрьского района Грозного.

92. Некоторое время спустя заявитель нашел один из своих автомобилей - «Subaru». Этот микроавтобус был припаркован на улице неподалеку от Октябрьского ВОВД. Машина была сожжена. Согласно заявителю, он обнаружил свою спутниковую антенну на территории Октябрьского ВОВД, и он также видел, как некоторыми похищенными у него вещами пользовались некие сотрудники Октябрьского ВОВД.

93. В конце июня 2000 года заявитель обнаружил свой «Oldsmobile» у бывшего начальника Октябрьского ВОВД г-на Дж. Последний утверждал, что приобрел машину на паях с несколькими другими сотрудниками Октябрьского ВОВД (А.В., Р.Ш., Сулумбеком, Химзаном и Русланом) у «федералов» за 500 долларов. Милиционеры заявили, что отдадут машину заявителю только в обмен на сумму денег, эквивалентную той, что они заплатили за нее. Заявитель отказался платить и подал жалобу в несколько инстанций о разграблении имущества и угоне «Oldsmobile». Он сообщает, что впоследствии г-н Дж. продал автомобиль.

94. 11 октября 2000 года заявитель получил справку, подтверждающую, что его дом и прилегающие постройки были сожжены и разрушены.

(b) Уголовное дело

95. 5 января 2001 года прокуратура города Грозного отдала распоряжение Октябрьскому ВОВД передать в прокуратуру материалы уголовного дела возбужденного в связи с кражей Oldsmobile, принадлежавшего заявителю, для надзора над расследованием со стороны прокуратуры. В письме не указана дата якобы возбужденного уголовного дела.

96. 15 августа 2001 года и.о. начальника Октябрьского ВОВД направил в прокуратуру города Грозного запрашиваемые материалы дела, возбужденного по факту "незаконного присвоения сотрудниками Октябрьского ВОВД Oldsmobile, принадлежавшего [заявителю]".

97. Письмом от 30 августа 2001 года прокуратура города Грозного сообщила заявителю о возбуждении уголовного дела по статье 158 § 2 (с) и (д) УК РФ (хищение при отягчающих обстоятельствах) и о начале следствия в связи с его жалобой о краже «Oldsmobile». Делу был присвоен номер

15082. В постановлении говорилось, что "нет данных о причастности к преступлению сотрудников Октябрьского ВОВД".

98. Решением от 5 сентября 2001 года прокуратура Грозного объединила уголовное дело №12088, касающееся жестокого обращения с заявителем, и уголовное дело №15082, касающееся кражи его автомобиля, под первым номером, утверждая, что эти два преступления были совершены одними и теми же лицам.

99. В письме от 30 августа 2001 года прокуратура Грозного сообщила заявителю, что по его жалобой о краже его Oldsmobile было возбуждено уголовное дело и что расследование находится в производстве. Прокуратура не уточнила дату начала расследования или номер, присвоенный к уголовному делу.

100. 23 августа 2005 года прокуратурой Чеченской Республики было возбуждено уголовное дело по статье 158 § 2 (а) и (с) УК РФ (хищение при отягчающих обстоятельствах) в связи с кражей автомобиля Subaru, принадлежавшего заявителю, что было установлено в ходе расследования по уголовному делу №12088. В постановлении говорится, что вышеупомянутое транспортное средство было украдено со двора заявителя в конце марта 2000 года группой неустановленных сотрудников Октябрьского ВОВД, прикомандированных в Чеченскую Республику от Ханты-Мансийского автономного округа. Делу был присвоен номер 61856, и оно было объединено с уголовным делом №12088 в тот же день.

101. 23 августа 2005 года прокуратурой Чеченской Республики также было возбуждено уголовное дело по статье 158 § 3 (хищение материальных ценностей) и 167 § 1 (умышленное уничтожение или повреждение имущества) УК РФ в связи с кражей и уничтожением неустановленными лицами имущества заявителя, в том числе микроавтобуса Subaru. Делу был присвоен номер 61857 (см. далее пункты 206-214).

102. Постановлением от 20 февраля 2009 года следователь постановил, что материалы дел, изначально имеющих отношение к делам №15082 и №61856, изначально рассматривались в отрыве от уголовного дела №12088, и в них содержались доказательства преступлений, наказуемых в соответствии со статьями 158 § 4 (б) (хищение материальных ценностей) и 167 § 1 (умышленное уничтожение или повреждение имущества) УК РФ, и что они не были связаны с преступлениями, расследуемыми по делу №12088. В постановлении было заявлено, что по вышеупомянутым статьям УК РФ было возбуждено уголовное дело, и ему присвоен номер №15082.

(с) Попытки заявителя подать иск в гражданский суд

(i) Иск об истребовании имущества

103. 7 октября 2002 года заявитель подал иск в Октябрьский районный Суд Грозного против братьев И.Дж. и Х.Дж. и четырех сотрудников Октябрьского ВОВД: В., Ш., Сул. и А. Он заявил, что две машины: Oldsmobile и Subaru - были украдены у него во время его содержания под стражей с 5 марта по 24 мая 2000 года, что позднее он нашел свой автомобиль Subaru, разобранным на улице, и что он обнаружил свой

автомобиль Oldsmobile дома у г-на Дж. в Урус-Мартане. По словам заявителя, г-н Дж. утверждал, что они купили на паях два автомобиля 20 апреля 2004 года за 500 долларов у сотрудников Октябрьского ВОВД, и что он был готов вернуть машину заявителю за эквивалентную сумму. Заявитель в свою очередь хотел вернуть его Oldsmobile и компенсировать ущерб в размере 1500 долларов за повреждения автомобиля Subaru. Он также просил суд выдать предписание в отношении возврата автомобиля Oldsmobile.

104. 14 октября 2002 года Октябрьский районный суд отказался принять иск заявителя на рассмотрение, утверждая, что факты, изложенные заявителем, содержат элементы уголовного преступления, наказуемого в соответствии со статьей 158 часть 2 (хищение при отягчающих обстоятельствах) УК РФ, что они должны быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства и что обвиняемые проживали в Урус-Мартане. Это решение было поддержано в ходе апелляции Верховным судом Чеченской Республики 29 октября 2002 года.

105. Решением от 21 июня 2003 года Урус-Мартановский городской суд отказался принять иск заявителя на рассмотрение, утверждая, что факты, изложенные заявителем, содержат элементы уголовного преступления, наказуемого в соответствии со статьей 158 часть 2 УК РФ, что они должны быть рассмотрены в рамках уголовного судопроизводства и что в контексте такого уголовного дела заявителю может быть предоставлен статус гражданского истца, и он может требовать компенсации за ущерб. По всей видимости, заявитель не обжаловал это решение.

(ii) Иск о компенсации ущерба

106. 7 октября 2002 года заявитель подал иск в Октябрьский районный суд Грозного против Министерства внутренних дел РФ, Министерства финансов РФ и Федерального казначейства. Он подробно перечислил ущерб, причиненный его имуществу, и запросил компенсацию за материальный ущерб в размере 158.120 долларов и компенсацию за моральный ущерб в размере 1.000.000 долларов.

107. В решении от 11 октября 2002 года Октябрьский районный суд Грозного отказался принять этот иск к рассмотрению, заявив, что он должен быть подан в районный суд Москвы, где находятся ответчики.

108. 29 октября 2002 года Верховный суд Чеченской Республики, рассмотрев апелляцию, оставил в силе решение первой инстанции.

109. По решению от 12 мая 2003 года Пресненский районный суд г. Москвы вернул иск заявителя на том основании, что он подан с нарушением правил подсудности, и что заявитель должен подать иск в районный суд по месту нахождения ответчика.

110. 3 сентября 2003 года Пресненский районный суд г. Москвы вновь вернул иск заявителя, сославшись на те же основания.

111. По решению от 2 сентября 2003 года Хамовнический районный суд г. Москвы отказался рассматривать иск заявителя и предложил заявителю указать адреса ответчика до 27 ноября 2003 года. Письмом от 8 декабря 2003 года суд вернул материалы заявителю, ссылаясь на его неспособность исправить недостаток в требуемый срок.

112. 4 декабря 2003 года заявитель подал иск против Министерства финансов РФ в Хамовнический районный суд г. Москвы. Согласно заявителю, 9 января 2004 года суд вернул его иск на том основании, что он подан с нарушением правил подсудности, и предложил заявителю подать иск в районный суд по месту нахождения ответчика.

113. 30 августа 2004 заявитель подал исковое заявление о возмещении морального вреда и компенсации материального ущерба против Министерства внутренних дел и Министерство финансов России в Хамовнический районный суд г. Москвы. Он утверждает, что он не получил ответа от суда на это заявление.

114. 6 сентября 2004 года в письме об отказе в рассмотрении искового заявления Верховным судом РФ говорилось также, что с данным заявлением надлежит обращаться для рассмотрения в суды первой инстанции - в соответствующий районный суд по месту нахождения ответчика, а именно в Басманный районный суд г. Москвы, в юрисдикции которого находится Министерство финансов РФ. Заявитель не оспаривал это решение.

115. 21 августа 2008 года заявитель подал еще один иск о компенсации материального ущерба. Он заявил, что во время военной кампании в Чеченской Республике в 1999-2002 его жилье и другое имущество было уничтожено во время обстрелов и что, в соответствии с Постановлением Правительства РФ №404 от 4 июля 2003 года, он получил компенсацию в размере 350 тысяч рублей (примерно 9.000 евро (EUR)). Однако названная сумма компенсации была значительно ниже, чем действительный ущерб, нанесенный ему.

116. По решению Старопромысловского районного суда города Грозного от 5 декабря 2008 года иск заявителя был отклонен, в частности, потому что заявитель не представил в суд доказательств, подтверждающих его доводы о причинении ему утратой жилья и имущества большего материального ущерба. Судебная коллегия Верховного суда Чеченской Республики 27 января 2009 год отставила апелляцию заявителя без удовлетворения, а решение Старопромысловского суда — без изменений.

В. Документы, представленные сторонами

1. Требования Суда о расследовании уголовного дела

117. В июне 2005 года на стадии коммуникации, Правительству было предложено сообщить, было ли возбуждено уголовное дело в отношении жалоб заявителя о жестоком обращении и нанесении вреда его имуществу, и если да, то какие номера были даны соответствующим уголовным делам. Правительству также было предложено представить документы, касающиеся этих уголовных дел. Ссылаясь на информацию, полученную из Генеральной прокуратуры, Правительство сообщило Суду, что расследование по факту предполагаемого жестокого обращения с заявителем и по факту нанесения вреда его имуществу находится на стадии расследования, и уголовному делу присвоен номер 12088. Правительство отказалось, однако, представить какие-либо документы из материалов дела, заявив, что их раскрытие

противоречит Статье 161 УПК РФ, поскольку в материалах дела содержатся информация военного характера и персональные данные участников уголовного процесса. В то же время Правительство сообщило, что возможно ознакомление делегации Суда с указанным делом на месте предварительного расследования, за исключением «документов, [содержащих военную тайну и личные данные свидетелей], без права сделать копии материалов дела и передать его другим лицам ».

118. В ноябре 2005 года Суд повторил свою просьбу и предложил использовать Правило 33 §3 Правил Суда. В ответ Правительство представило документы на 76 страницах, но отказалось раскрыть все материалы уголовного дела по тем же причинам, которые были указаны выше. Документы, представленные Правительством, включали список документов, содержащихся в деле, постановления о возбуждении уголовного дела, о признании заявителя потерпевшим, о приостановлении и возобновлении расследования, постановления разных следователей о принятии дела к производству, об объединении дел, распоряжение о проведении производства следственной группой и о продлении срока предварительного следствия.

119. Заявитель, в свою очередь, обратился за помощью в Комитет по борьбе против пыток, неправительственную организацию, базирующуюся в Нижнем Новгороде, чтобы получить доступ к материалам уголовного дела №12088 за период с 2000 по 2005 годы. К своим замечаниям на Меморандум Правительства он приложил около 1000 страниц из материалов дела, составляющих, как можно увидеть, двенадцать томов.

120. 22 января 2009 года жалоба была признана Судом частично приемлемой. На этом этапе Суд предложил Правительству представить информацию о ходе расследования по делу №12008, касающемуся жестокого обращения с заявителем и кражи его автомобилей Oldsmobile и Subaru, проводимом после ноября 2005 года, а также было предложено раскрыть копии всех документов по уголовному делу, относящихся к периоду заявления. Правительству также было предложено представить информацию о ходе расследования и копии всех материалов уголовного дела №61857 о краже и уничтожении имущества заявителя, в том числе его микроавтобуса Subaru.

121. В марте 2009 года Правительство представило ряд документов на 95 страницах из материалов уголовных дел №12088 и №61857, в том числе постановления о приостановлении и возобновлении уголовных дел, постановления об объединении производств по уголовным делам о хищении имущества заявителя, постановление о признании заявителя потерпевшим по делу №61857, протоколы допросов заявителя, распоряжения о проведении производства следственной группой и о продлении срока предварительного следствия, а также решения о передаче дела от одного следователя к другому. Правительство отказалось раскрыть любые другие материалы, ссылаясь на Статью 161 УПК РФ.

122. Содержащаяся в документах, представленных сторонами, информация, по мере необходимости, может быть изложена следующим образом.

2. Документы из уголовного дела №12088

(А) Документы, относящиеся к проведению расследования, и уведомления заявителя о ходе следствия

123. Согласно постановлению от 13 июля 2000 года, прокуратура Грозного возбудила уголовное дело по статье 286 § 3 (а) (злоупотребление должностными полномочиями) УК РФ в связи с жалобой заявителя на его незаконное задержание и жестокое обращение со стороны сотрудников Октябрьского ВОВД, поданной 30 июня 2000 года. Делу присвоен номер 12088.

124. Постановлениями от 13 августа 2000 года, 24 сентября, 6 ноября и 19 декабря 2001 года и 30 января 2002 года расследование по делу №12088 приостанавливалось. В кратких текстах постановлений говорилось, что невозможно установить виновных, и управлению уголовного розыска Октябрьского ВОВД поручалось "принять меры" для выявления предполагаемых преступников.

125. В постановлениях от 24 августа, 6 октября, 19 ноября и 30 декабря 2001 года и 18 июля 2002 года по решению надзирающего прокурора отменялись постановления от 13 августа 2000 года, 24 сентября, 6 ноября и 19 декабря 2001 года и 30 января 2002 года соответственно, со ссылкой на то, что расследование было неполным, что обстоятельства инцидента не были раскрыты объективно и во всем объеме, и что ряд необходимых следственных действий не были проведены. В постановлениях указывалось, что расследование должно быть возобновлено, и перечислялись необходимые следственные действия. В постановлениях от 19 ноября и 30 декабря 2001 года и от 18 июля 2002 года также утверждалось, что следственные органы не выполнили предыдущие распоряжения прокурора и не провели ряд следственных мер, указанных в предыдущих постановлениях.

126. Постановлением от 20 августа 2003 года расследование по делу было приостановлено. В документе были подробно перечислены выполненные следственные действия, в том числе допрос заявителя и признание его потерпевшим, допрос ряда должностных лиц, которые в соответствующий момент времени работали в Октябрьском ВОВД, а именно: г-н П., г-н Дуб, г-н С., г-н Б., г-н Я., г-н А., г-н Ш., г-н В. и г-н З.; допрос г-на К. - сокамерника заявителя, опознание сотрудников Ханты-Мансийского Управления внутренних дел, прикомандированных в соответствующий период к Октябрьскому ВОВД, по предъявленным заявителю и г-ну К. фотографиям.

127. В постановлении также утверждалось, что были направлены запросы в компетентные органы власти с целью обнаружения автомобилей, украденных у заявителя, и розыска г-на Дж., который, возможно, был причастен к их угону. В постановлении говорилось, что г-н З., которого заявитель опознал по фотографии, подтвердил, что допустил к камере заявителя сотрудников спецгруппы Октябрьского ВОВД, которые отрезали ухо заявителю. Кроме того, утверждалось, что обвинение в превышении должностными полномочиями и злоупотреблением властью были

предъявлены г-ну З., который объявлен федеральный розыск, так как он скрылся от следственных органов, и поэтому ему до сих пор не предъявлены фотографии для опознания сотрудников Октябрьского ВОВД, предположительно причастных к преступлению.

128. В постановлении говорилось, что заявитель и г-н К. также опознали г-на Аб. как человека, который наносил физические травмы задержанным лицам и фотографировал заявителя после того, как ему отрезали ухо. Согласно постановлению, следствию не удалось допросить г-на Аб. в Ханты-Мансийском регионе, так как он уехал в Узбекистан.

129. В постановлении сказано, что заявитель опознал по фотографии г-на Н. и г-на Д., как людей, которые нанесли ему телесные повреждения, и что г-н К. опознал по фотографии г-на Н., как человека, похожего на того, кто отрезал ухо заявителю.

130. В постановлении также отмечено, что при проведении следственных действий на территории Ханты-Мансийского региона, следователи столкнулись с нежеланием некоторых высокопоставленных чиновников УВД по Ханты-Мансийскому автономному округу содействовать в установлении контакта с их подчиненными, в результате чего не было возможности допросить ряд сотрудников ОВД Ханты-Мансийского АО, которые под различными предлогами отказались явиться на допрос. В постановлении сказано, что было крайне важно для установления обстоятельств случившегося организовать встречу между заявителем, г-ном К. и сотрудниками Н., Д. и Аб., которые были вызваны в прокуратуру Чеченской Республики 10 ноября 2003 года. В заключение постановления указано, что все следственные меры, которые могли быть проведены в отсутствие вышеупомянутых сотрудников, были проведены, и поэтому производство по делу должно быть приостановлено до их прибытия в Грозный и до момента установления местонахождения г-на З.

131. В постановлении от 13 апреля 2004 года сказано, что следствие по делу №12088, которое недавно было приостановлено, возобновлено 3 декабря 2003 года. Также указано, что постановление о приостановлении расследования было незаконным, поскольку следственные органы не выполнили все следственные меры, которые могли быть проведены в отсутствие подозреваемых лиц, и, в частности, не были выполнены указания надзирающего прокурора.

132. Согласно постановлениям от 13 мая и 26 ноября 2004 года, производство по делу №12088 было приостановлено. Текст постановления был аналогичен постановлению от 20 августа 2003 года. В частности, указывались те же мероприятия, осуществляемые в ходе расследования, которые были перечислены в постановлении от 20 августа 2003 года. Также указывалось, что в ответ на соответствующие запросы следственные органы получили информацию о том, что г-н Дж. умер 6 января 2002 года; в тексте постановлений не содержались никакие указания, однако, относительно действий, предусмотренных постановлением от 20 августа 2003 года, таких как проведение очной ставки между заявителем, г-ном К. и сотрудниками Н., Дег. и Аб. (см. пункт 130 выше), и в них не говорится, были ли приняты меры к установлению местонахождения г-на З. В постановлении сказано,

что все следственные меры, возможные в отсутствие г-на З, местонахождение которого не установлено, были проведены и что необходимо принять меры по установлению лиц, которые нанесли телесные повреждения заявителю.

133. Постановлением от 20 октября 2004 года об отмене постановления от 13 мая 2004 года было решено возобновить расследование. Согласно этому постановлению, следственные органы не выполнили необходимые следственные действия, которые могли быть проведены в отсутствие виновных. В постановлении отмечено, в частности, что ряд указаний следователя не были выполнены, не были установлены и допрошены свидетели кражи имущества заявителя. Постановлением указано, что эти и другие необходимые следственные действия должны быть проведены. Постановление было подписано следователем, и сделана отметка о том, что "заинтересованные лица" были информированы об этом постановлении 26 октября 2004 года.

134. Постановлением от 26 мая 2005 года об отмене постановления от 26 ноября 2004 года было решено возобновить расследование. В нем указывались следственные действия, которые необходимо провести, и в частности, говорилось, что действия, перечисленные в постановлениях от 13 апреля и 20 октября 2004 года, должны быть выполнены в полном объеме, что розыск г-на З. должен вестись более активно и необходимы дополнительные доказательства подтверждения причастности г-на Н., г-на Д. и г-на Аб. к инциденту 11 марта 2000 года; в случае получения этих доказательств в отношении данных лиц нужно возбудить уголовное дело; доводы заявителя, изложенные в его жалобах от 17 августа и 22 сентября 2004 года должны быть рассмотрены, а также необходимо принять другие следственные меры.

135. Постановлением от 4 июля 2005 года предварительное следствие по делу было приостановлено. Текст данного постановления был аналогичен постановлениям от 13 мая и 26 ноября 2004 года: в нем перечислялись проведенные следственные действия. В постановлении также сообщалось, что в ходе установления местонахождения г-на З. был получен адрес его постоянного места жительства. Однако, учитывая, что "в качестве меры пресечения к нему была применена подписка о невыезде, то доставить его в г. Грозный не представилось возможным". В постановлении сказано, что все следственные меры, возможные в отсутствие г-на З, были проведены и что предварительное расследование должно быть приостановлено "до того момента, пока не будет реальной возможности привлечь к уголовному процессу подозреваемого г-на З". Постановление было подписано следователем, и сделана отметка о том, что подозреваемый З. и заявитель были информированы об этом постановлении.

136. Постановлением от 17 августа 2005 года постановление от 4 июля 2005 года было признано незаконным и необоснованным в связи с тем, что ряд важных следственных мероприятий не был проведен, и, в частности, не были юридически квалифицированы действия г-на Д., г-на Н. и г-на Аб., опознанные заявителем как лица, причастные к инциденту 11 марта 2000 года; что факт хищения имущества заявителя и возможного причастия г-на

Я. к этому преступлению не был должным образом расследован; что дополнительные судебно-медицинские осмотры заявителя - необходимые в связи с тем, что в материалах дела наличествуют два противоречивых отчета о медицинских осмотрах, проведенные ранее - не были проведены; и что другие необходимые следственные действия не были проведены. Согласно постановлению, предварительное следствие по делу должно быть возобновлено.

137. В письме от 30 августа 2005 года следователь сообщил заявителю и его адвокату, что 13 июля 2000 года было возбуждено уголовное дело №12088 по факту причинения заявителю телесных повреждений неустановленными сотрудниками Октябрьского ВОВД, что 30 августа 2001 года было возбуждено уголовное дело №15082 в связи с кражей автомобиля заявителя марки Oldsmobil предположительно сотрудниками Октябрьского ВОВД, что 5 сентября 2001 года эти два дела были объединены под номером 12088, что 23 августа 2005 года было возбуждено уголовное дело №61856 в связи с кражей автомобиля заявителя марки Subaru неустановленными сотрудниками Октябрьского ВОВД, прикомандированными в Чеченскую Республику из Ханты-Мансийского АО. В письме говорилось, что в период содержания заявителя под стражей с 5 марта по 24 мая 2000 года группа неизвестных лиц проникли в его дом и украли его имущество, включая микроавтобус Subaru; сумма причиненного заявителю материального ущерба составила 148,620 долларов США; в течение этого же периода времени неустановленные лица умышленно разрушили имущество заявителя: дом и пристройки — тем самым нанесли ему серьезный моральный ущерб. В письме говорилось, что по данному факту из материалов уголовного дела №12088 было выделено новое уголовное дело под номером 61857. В заключении письма было указано, что расследование по делу №12088 было возобновлено и находится на стадии рассмотрения.

138. В постановлении от 30 сентября 2005 года говорилось, что производство по делу №12088 было приостановлено, так как все следственные действия, которые возможно было выполнить в отсутствие обвиняемого, были проведены. В постановлении отмечалось, что в ходе установления местонахождения г-на З. был получен его домашний адрес, однако г-н З. бежал от следственных органов, и в настоящее время его местонахождение остается неизвестным.

139. В письме от 26 октября 2005 года прокуратура Чеченской Республики проинформировала адвоката заявителя по уголовным делам о заявленных жестоком обращении и краже собственности, что в настоящее время предварительное следствие по делу №12088 было приостановлено до установления виновных в преступлении.

140. 21 ноября 2005 года постановление от 30 сентября 2005 было отменено как преждевременное, и вынесено постановление о возобновлении расследования. В нем говорилось, в частности, что хотя дела содержат доказательства причастности сотрудников Н. и Я. к совершению преступления против заявителя, но еще не все процедурные решения были приняты в их отношении. В постановлении также отмечено, что следственные органы пока еще не решили вопрос о возбуждении отдельного

уголовного дела против г-на З.

141. Согласно постановлению от 24 декабря 2005 года, расследование было приостановлено из-за неспособности установить местонахождение г-на З. В постановлении изложены обстоятельства преступления, вменяемого г-ну З., и указано, что против него выдвинуты обвинения в злоупотреблении должностными полномочиями при отягчающих обстоятельствах, что ему предписано не покидать свое место жительства, и, наконец, он объявлен в розыск в связи с тем, что он неоднократно не являлся в прокуратуру и отсутствует по месту жительства в течение длительного периода. В решении сделан вывод о том, что невозможно было продолжать расследование в отсутствие обвиняемого, и дано указание отделу уголовного розыска Октябрьского РОВД организовать поиск подозреваемого.

142. Постановлением от 7 февраля 2006 года надзирающий прокурор отменил постановление от 24 декабря 2005 года, и расследование было возобновлено. Текст постановления от 7 февраля 2006 года был похож на постановление от 21 ноября 2005 года. В нем говорилось, в частности, что на данный момент никакие процессуальные решения в отношении сотрудников милиции Н. и Я. не были предприняты, несмотря на доказательства их причастности к преступлению против заявителя.

143. Постановлением от 7 марта 2006 года следователь принимал дело к производству. Текст постановления был похож на постановление от 24 декабря 2005 года, и в нем говорилось, что выдвинуты обвинения против г-на Д., что г-ну Б. и г-ну Я. запрещено покидать место жительства, и они объявлены в розыск (см. пункты 80 и 82 выше). В постановлении говорилось, что невозможно продолжать расследование в отсутствие г-на З., г-на Д., г-на Я. и г-на Б., чье местонахождение неизвестно, и даны поручения отделу уголовного розыска Октябрьский РОВД с целью организации их поиска.

144. Постановлением от 21 августа 2006 года постановление от 7 марта 2006 года было признано незаконным и необоснованным, и расследование было возобновлено. В постановлении говорилось, что ряд важных следственных мероприятий, которые могут быть проведены в отсутствие г-на З., г-на Д., г-на Я. и г-на Б., и что никакие шаги для установления их местонахождения не были предприняты. В постановлении отмечалось, что хотя в делах содержится информация о личностях и месте службы вышеупомянутых четырех офицеров, но расследованию не удалось допросить их родственников, соседей и коллег или провести обыски в местах их службы или проживания с целью обнаружения соответствующих доказательств.

145. Постановлением от 25 сентября 2006 года, которое было аналогично постановлению от 7 марта 2006 года, расследование было снова приостановлено. Заявитель был информирован о постановлении письмом от этого же числа.

146. 5 октября 2006 года заявитель подал жалобу в прокуратуру Чеченской Республики на постановление от 25 сентября 2006 года и просил возобновить расследование. Он указал адреса лиц, местонахождение которых, согласно постановлению от 25 сентября 2006 года, установить не

удалось.

147. 12 октября 2006 года из прокуратуры Чеченской Республики сообщили заявителю, что его жалоба от 5 октября 2006 года была рассмотрена и отклонена. В письме не называются причины такого решения.

148. 9 января 2007 года постановление от 25 сентября 2006 года было отменено как незаконное и необоснованное. В постановлении было отмечено, что следственные органы не выполнены все следственные действия, которые могут проводиться в отсутствие подозреваемых и обвиняемых, и что никакие меры не были предприняты для установления местонахождения г-на З., г-на Д., г-на Я. и г-на Б. и для их явки в Чеченскую Республику для проведения следственных мероприятий, хотя в материалах дела есть сведения о местах их службы и проживания.

149. 28 мая 2007 года уголовное расследование было вновь приостановлено. В постановлении были перечислены проведенные следственные меры, аналогично тем, которые были упомянуты в постановлениях от 7 марта и 25 сентября 2006 года, в отношении г-на Д., г-на З. и г-на Б. В заключении говорилось, что невозможно продолжать расследование в отсутствие этих трех офицеров.

150. 29 мая 2007 года уголовное дело было возобновлено, и в постановлении указывалось на необходимость проведения полной судебно-медицинской экспертизы, которая была назначена на 29 апреля 2007 года.

151. 29 июня 2007 года, 25 декабря 2008 года и 21 февраля 2009 года аналогичными постановлениями предварительное следствие было приостановлено в связи с розыском г-на Д., г-на З. и г-на Б., местонахождение которых оставалось неизвестным.

152. Постановлением от 24 ноября 2008 расследование по уголовному делу было возобновлено. Оно объявляло постановление от 29 июня 2007 года незаконным и необоснованным, так как не все версии произошедшего были проверены, и указывалось на необходимость активизировать поиск г-на З. и г-на Д.

153. Постановлением от 19 января 2009 года отменялось постановление от 25 декабря 2008 года как незаконное и необоснованное в связи с тем, что следственные органы не приняли все необходимые следственные действия. В постановлении указывалось, *среди прочего*, что заявитель опознал г-на М. (см. пункт 161 ниже), г-н М. был допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам дела и, в частности, с целью установить, участвовал ли он в нанесении телесных повреждений заявителю; рассматривался вопрос об отдельном рассмотрении материалов, касающихся кражи собственности заявителя, так как не было доказано во время предварительного следствия, что данное преступление было совершено теми же лицами, которые нанесли телесные повреждения заявителю; рассматривался вопрос о прекращении уголовного преследования г-на Б., который заявил о своем намерении воспользоваться законом «Об амнистии» от 22 сентября 2006 года, принятым в отношении лиц, виновных в совершении уголовных преступлений в ходе контртеррористических операций на территории Южного федерального округа; и также указывалось на производство других следственных

действий. Заявитель был проинформирован о данном постановлении письмом от 22 января 2009 года.

(b) Отчеты о результатах судебно-медицинских осмотров заявителя

154. Из материалов, имеющихся в распоряжении Суда, следует, что в ходе расследования заявитель прошел судебно-медицинский осмотр, по крайней мере, три раза. По всей видимости, заявитель впервые был осмотрен экспертами 7 сентября 2001 года. Результаты суд-мед. осмотра не ясны, поскольку соответствующий отчет отсутствует.

155. В материалах дела содержится отчет о судебно-медицинском осмотре заявителя 4 апреля 2003 года. Результаты этого осмотра не ясны, поскольку соответствующая часть документа неразборчива. В отчете, однако, упоминается о судебно-медицинской экспертизе, которую заявитель прошел ранее. В частности, говорится следующее:

"Судебно-медицинская экспертиза была назначена на 7 сентября 2001 года с целью установления степени вреда, причиненного здоровью заявителя незаконными действиями сотрудников ВОВД. Согласно экспертному отчету №192 от 7 сентября 2001 года, было установлено, что [заявитель] практически потерял слух, имел шрам на левом ухе, и у него отсутствуют одиннадцать зубов на верхней челюсти. В отчете не указываются другие травмы [заявителя] и не оценивается степень ущерба, причиненного его здоровью. Поэтому необходимо проведение дополнительной судебно-медицинской экспертизы с целью установления и оценки степени всех травм, нанесенных [заявителю] незаконными действиями сотрудников милиции".

156. В отчете от 30 июня 2005 года засвидетельствованы закрытый перелом четырех ребер заявителя с правой стороны грудной клетки, ампутация левого уха и полная потеря слуха в левом ухе, шрамы на левой стороне нижней челюсти и травматическое извлечение одиннадцати зубов с верхней челюсти. В отчете указывается, что ухо заявителя было ампутировано грубым инструментом, похожим на нож или подобный предмет, что другие повреждения могли быть нанесены в результате неоднократных ударов твердым тупым предметом (предметами), возможно, в период времени и при обстоятельствах, описанных заявителем. Далее говорится, что полная глухота левого уха стала причиной инвалидности и что ампутация левого уха привела к дефекту лица, требующему пластической операции. В отчете также отмечено, что в данный момент заявитель жаловался на глухоту левого уха и дискомфорт, вызванный отсутствием левого уха, и что он носит длинные волосы, пытаясь скрыть этот дефект, и избегает других людей, в том числе его друзей и родственников, так как он стесняется своей внешности.

(c) Документы, касающиеся следственных мероприятий

157. Постановлением следователя от 18 июля 2000 года заявитель был признан потерпевшим. В постановлении нет ссылки на какой-либо номер дела, и имеется подпись заявителя о том, что он был проинформирован о постановлении в тот же день и его процессуальные права были разъяснены.

158. Из материалов, находящихся в распоряжении Суда, следует, что в период с ноября 2001 года по август 2003 года следственные органы направили ряд запросов и поручений в правоохранительные органы и

силовые структуры Чеченской Республики и Ханты-Мансийского АО. В частности, они разыскивали и получили список сотрудников милиции Ханты-Мансийского ОВД, прикомандированных к Октябрьскому ВОВД в 2000-2001 годах, а также фотографии и протоколы допросов свидетелей из числа этих сотрудников.

159. В неустановленный день заявитель опознал по фотографии г-на З. как охранника ИВС Октябрьского ВОВД, который пропустил в камеру заявителя двух человек, которые отрезали ему ухо. 10 февраля и 13 мая 2003 года г-н К. также опознал г-на З., утверждая, что последний был охранником ИВС Октябрьского ВОВД в марте 2000 года, что именно он впустил двух лиц, один из которых затем отрезал ухо заявителя.

160. 26 ноября 2002 года заявитель опознал по фотографии г-на Б. как сотрудника, который доставил заявителя в Октябрьский ВОВД 5 марта 2000 года, где избил его вместе с другими сотрудниками отдела прикладами автоматов, а затем прижимал раскаленный металлический стержень к ладони его правой руки, лицу, лбу и языку, отрезал волосы заявителя и заставлял его жевать их. 28 ноября 2002 года г-н К. также опознал по фотографии г-на Б., утверждая, что он слышал, как последний, будучи начальником ИВС Октябрьского ВОВД, приказал одному из своих подчиненных разбить пальцы задержанного молотком. Г-н К. также заявил, что г-н Б. был в курсе всех незаконных действий, имевших место в ИВС Октябрьского ВОВД.

161. 4 апреля 2003 года заявитель опознал по фотографии г-на М. как офицера, который в соответствующий период был прикомандирован из Ханты-Мансийского АО в качестве начальника Управления уголовного розыска Октябрьского ВОВД и который, как следует из соответствующего отчета, покончил жизнь самоубийством 12 октября 2001 года. Заявитель утверждал, что г-н М. никогда не совершал какого-либо физического насилия в отношении него. 13 мая 2003 года г-н К. опознал по фотографии г-на М. как сотрудника Октябрьского ВОВД и заявил, что последний не принимал участия в каких-либо инцидентах, связанных с ним.

162. 8 мая 2003 года заявитель и г-н К. опознали по фотографии г-на Аб. как охранника ИВС Октябрьского ВОВД, который сфотографировал заявителя, как только ему отрезали ухо (см. пункт 25 выше).

163. Постановлением от 19 мая 2003 года г-ну З. было предъявлено обвинение по статье 293 § 2 Уголовного кодекса России (см. пункт 77 выше), где утверждалось, что 11 марта 2000 года г-н З. нарушил свои обязанности охранника ИВС Октябрьского ВОВД и вопреки соответствующим инструкциям открыл камеру заявителя для проникновения неустановленных сотрудников Октябрьского ВОВД, один из которых затем отрезал ухо заявителю, тем самым нанеся серьезный ущерб здоровью заявителя. Далее в постановлении утверждается, что г-н З. пренебрег своими служебными обязанностями также и том, что не доложил об этом инциденте своему начальству.

164. В двух постановлениях от 19 мая 2003 года говорилось, что г-н З. не явился на допрос в следственные органы и что его местонахождение неизвестно. В одном из постановлений указано, что г-ну З. запрещено

покидать место жительства, а в другом - было дано распоряжение об организации его розыска.

165. 20 мая 2003 года заявитель опознал по фотографии г-на Д. как человека, который отрезал его ухо в ИВС Октябрьского ВОВД в ночь на 11 марта 2000 года. Заявитель утверждал, что он никогда не видел этого человека до происшествия 11 марта 2000 года и что уверен в том, что именно этот человек нанес травму. Заявитель отметил, что на момент происшествия лицо человека было более худым.

166. В постановлении от 23 мая 2003 года следователь просил прокурора санкционировать продление срока предварительного следствия. В постановлении перечислялись предпринятые следственные действия, в том числе допрос заявителя и предоставление ему статуса потерпевшего, допрос ряда должностных лиц Октябрьского ВОВД, в том числе г-на П., г-на Дуб., г-на С., г-на Б., г-на Я., г-на А., г-на Ш., г-на В., г-на З., допрос г-на К., получение фотографий сотрудников Ханты-Мансийского ОВД, прикомандированных в соответствующий период в Октябрьский ВОВД, и опознание заявителем и г-ном К. по фотографиям сотрудников, предположительно причастных к совершению преступления. В постановлении говорилось, учитывая, что офицеры, ранее проходившие службу в Октябрьском ВОВД, в соответствующий период жили в Ханты-Мансийском АО, что в апреле 2003 года следователь был откомандирован в Ханты-Мансийск, где были получены доказательства о причастности некоторых из этих офицеров к предполагаемому преступлению. В частности, причастность г-на З., который был опознан заявителем по фотографии, и, как подтвердил г-н К., г-н З. пустил сотрудников специальной группы Октябрьского ВОВД в камеру заявителя и что эти сотрудники затем отрезали ухо заявителя. В постановлении сказано, что обвинения в превышении должностных полномочий при отягчающих обстоятельствах были предъявлены г-ну З., который в настоящее время находился в федеральном розыске, так как скрывался от следственных органов. В соответствии с постановлением, до сих пор не было возможности допросить г-на Аб., опознанного по фотографии заявителем и г-ном К., так как он был в очередном отпуске в Республике Узбекистан. В постановлении также отмечено, что заявитель опознал по фотографии г-на Д. как человека, который отрезал его ухо, и утверждалось, что принимаются меры с целью установления местонахождения г-на Д. и предъявления ему обвинения против него. В постановлении перечислены следственные мероприятия, которые должны быть предприняты, в том числе, в частности, допрос г-на Д., г-на Аб., г-на Б. и проведение дополнительных судебно-медицинских осмотров заявителя, так как результаты двух предыдущих экспертиз были противоречивыми.

167. В письме от 22 июля 2003 года прокуратура Чеченской Республики просила Министерство внутренних дел Чеченской Республики расследовать предполагаемое участие должностных лиц Октябрьского ВОВД в краже собственности заявителя, в том числе трех иномарок, так как в ходе расследования уголовного дела №12088 один из автомобилей был обнаружен в Урус-Мартане по адресу проживания г-на Дж., бывшего

сотрудника Октябрьского ВОВД, и другой автомобиль был обнаружен в Грозном по месту пребывания г-на А., г-на В., г-на Ш. и г-на Сул., сотрудников Октябрьского ВОВД. В письме от 3 июня 2004 года из Министерства внутренних дел Чеченской Республики ответили прокуратуре Чеченской Республики, что внутренняя проверка проводится, и было установлено, что вышеупомянутые сотрудники никогда не жили по указанному адресу. Согласно письму, причастность этих сотрудников к краже автомобилей заявителя, таким образом, не была установлена.

168. 15 августа 2003 года заявитель опознал по фотографии г-на Н., как человека, который отрезал его ухо в ИВС Октябрьского ВОВД 11 марта 2000 года. 20 августа 2003 года г-н К. также опознал по фотографии г-на Н., утверждая, что он был похож на человека, который отрезал ухо заявителя, и что на момент происшествия его лицо была более худым и он носил короткие волосы.

169. 9 сентября 2003 года следователь вызвал г-на Д., г-на Н., г-на Аб., проживающих в Ханты-Мансийском АО, в прокуратуру Чеченской Республики для допроса в качестве свидетелей. В письме от того же числа следователь просил начальника Ханты-Мансийского ОВД обеспечить появление трех вышеупомянутых должностных лиц в прокуратуре Чеченской Республики.

170. Два аналогичных постановления были вынесены следователем 26 ноября 2003 года в отношении сотрудников Н. и Я., которым надлежало явиться на допрос в тот же день. В постановлениях указывалось, что 26 ноября 2003 года г-н Н. и г-н Я. были вызваны в качестве подозреваемых по делу заявителя, однако в ходе проведения следственных мероприятий в их отношении оба подозреваемых ушли от следователя под надуманным предлогом, в результате чего, оказалось невозможно завершить следственные мероприятия.

171. В письме от 18 августа 2004 года из уголовного розыска Ханты-Мансийского ОВД сообщили в Октябрьский РОВД, что г-н З. был зарегистрирован и проживал по его домашнему адресу в Ханты-Мансийске, что в настоящее время он находился в отпуске за пределами Ханты-Мансийска и что его жена отказалась сообщить о его текущем местонахождении, ссылаясь на ее конституционное право не свидетельствовать против родственников.

172. В письме от 18 ноября 2004 года из прокуратуры Чеченской Республика запрашивали в Октябрьском РОВД о распоряжении от 29 октября 2004 года с целью активизировать поиск г-н З. В письме от 3 декабря 2004 года из Октябрьского РОВД ответили, что, пытаясь установить местонахождение г-на З., Октябрьский РОВД получил справки по месту его жительства и места службы, направил словесное описание г-на З. в места, где он может находиться, также были проверены соответствующими записи, чтобы узнать, когда и куда он, возможно, покупал железнодорожные билеты. В письме говорилось, что до настоящего времени местонахождение г-на З. не было установлено.

173. В письме от 14 января 2005 года Октябрьский РОВД сообщил следователю, что они установили местонахождение г-н З., который

проживал по своему домашнему адресу в Ханты-Мансийске, однако было невозможно доставить г-на З. в прокуратуру Чеченской Республики, поскольку он находился под подпиской о невыезде. В письме от 18 июня 2005 года Октябрьский РОВД сообщил следственным органам, что г-н З. был исключен из федерального розыска, потому что его место жительства было установлено.

174. Согласно постановлению от 29 июня 2005 года, следователь по просьбе адвоката заявителя вынес распоряжение о проведении дополнительной судебно-медицинской экспертизы заявителя, так как отчет от 7 сентября 2001 года (см. пункты 154 и 155 выше) был неполным и не содержал ответов ни на один из вопросов следственных органов.

175. Согласно постановлению от 17 сентября 2006 года, прокуратура Чеченской Республики отклонила жалобу адвоката заявителя на отказ следователя предоставить заявителю и его адвокату полный доступ к материалам уголовного дела. В постановлении говорилось, что следователь разрешил заявителю и его адвокату изучить, не копируя, материалы и отчеты о следственных мероприятиях, в которых заявитель принимал участие, и отчеты экспертов, а также получить копии постановлений о возбуждении и приостановлении уголовного дела и о признании заявителя потерпевшим по делу. В постановлении сказано, что в рамках соответствующего правового законодательства потерпевший может иметь полный доступ к материалам дела и снимать копии документов только после завершения расследования и что, учитывая, что расследование уголовного дела №12088 все еще продолжается, отказ следователя в доступе заявителя и его адвоката к любым другим материалам дела является законным.

176. В постановлении от 9 января 2007 года следователь попросил прокурора санкционировать продление срока предварительного следствия по делу. В постановлении, в частности, сказано:

"Предварительным следствием в настоящее время установлено следующее:

Г-н Б., исполняя обязанности главы ИВС Октябрьского ВОВД ... 5 марта 2000 ... превысил свои полномочия, и вместе с другими неустановленными лицами били и пинали [заявитель] по различным частям его тела, сожгли ладони [внутреннюю часть] металлическим прутом, отрезали [...] волосы заявителя и заставляли последнего есть их.

Г-н З., исполняя обязанности начальника охраны ..., при исполнении служебных обязанностей в ИВС Октябрьского ВОВД ..., 11 Марта 2000 года около полуночи пустил в камеру ИВС г-на Д. - заместителя руководителя специальной боевой группы - и других неустановленных лиц. Г-н Д., находясь в состоянии алкогольного опьянения, вошел в камеру с ножом. Там находились [заявитель] и г-н К. Г-н Д., действуя умышленно ... и превысив свои служебные полномочия, кинул [заявителя] на пол и стал бить его по различным частям его тела. После этого неустановленные лица держали заявителя, в то время как г-н Д. ножом отрезал [заявителю] левое ухо.

Г-н Я., исполняя обязанности заместителя руководителя Октябрьского ВОВД ..., в период с 5 марта по 24 мая 2000, ... вместе с другими неустановленными лицами украл из дома заявителя ... автомобиль Oldsmobile, принадлежавший [заявителю] и продал его за 500 долларов США г-ну Дж".

В постановлении говорилось, что предварительное следствие должно

быть продлено, потому что необходимо провести многочисленные следственные действия и, в частности, арестовать г-на З., г-на Д., г-на Б. и г-на Я. и истребовать судебное разрешение о месте их содержания под стражей, предъявления обвинения против них и их допроса, провести обыски в местах их жительства, организовать при необходимости очные ставки этих четырех человек с заявителем и г-ном К., подготовить обвинительное заключение и так далее.

177. В жалобе от 16 февраля 2007 года заявитель просил следователя допросить г-на Х. Дж., г-на Р.Дж. и г-на И.Дж. - братьев умершего г-на Дж. - по обстоятельствам кражи его имущества, в том числе машины, утверждая, что они вместе с сотрудниками Октябрьского ВОВД были замешаны в этом преступлении, которое может быть подтверждено многочисленными показаниями очевидцев.

178. В письме от 20 февраля 2007 года следователь сообщил заявителю, что его жалоба от 16 февраля 2007 года была рассмотрена, и предложил ему явиться в прокуратуру Чеченской Республики на допрос. Заявитель утверждает, что он не знает, были ли допрошены вышеупомянутые три человека.

(D) Показания свидетелей

(i) Показания заявителя

179. В материалах уголовного дела содержатся протоколы допросов заявителя 1 и 5 сентября 2005 года, в которых он описал обстоятельства его ареста милицией и заявил, что во время его содержания под стражей из его дома было украдено имущество, в том числе его машины, относительно которых он имеет документы.

(ii) Показания г-на К.

180. Как следует из материалов дела, г-н К. - сокамерник заявителя (см. пункт 23 выше) - был допрошен несколько раз.

181. В ходе допроса в неустановленный день в 2000 году г-н К. заявил, что он видел неизвестных сотрудников милиции, вошедших в камеру, в которой содержались он и заявитель, и что они отрезали ухо заявителя. Г-н К. также описал сотрудника, который сделал это, и заявил, что он сможет опознать его.

182. Во время допроса в качестве свидетеля 4 сентября 2001 года г-н К. дал аналогичные показания. В частности, он утверждал, что был задержан 10 марта 2000 года и помещен в камеру заявителя. Г-н К. утверждал, что он не заметил никаких видимых повреждений на заявителе. Он также сообщил, что один или два дня спустя двое неизвестных лиц, русских по происхождению, вошли в камеру, оба были пьяные, один из них был с усами. Он подтвердил, что сможет опознать этих лиц. По словам г-на К., охранник ИВС сказал злоумышленникам, что они не должны трогать г-на К., но они могут делать все, что захотят с заявителем. Человек с усами приказал г-ну К. отойти в сторону и отвернуться; последний слегка повернул голову, однако он мог видеть, как один из злоумышленников ударил заявителя и удерживал

в то время, когда человек с усами взял нож и отрезал ухо заявителя. Последний очень громко кричал, а оба сотрудника милиции сквернословили. Затем они ушли. Г-н К. добавил, что в течение следующих дней различные сотрудники милиции приходили в камеру и жестоко избивали его и заявителя. Среди тех, кто избивал их, г-н К. вспомнил двух сотрудников, прикомандированных из Ханты-Мансийского АО.

183. На допросе 15 ноября 2004 года г-н К. дал устные показания, аналогичные показаниям от 4 сентября 2001 года. В ответ на вопрос следователя он также заявил, что г-н Н., которого он ранее опознал по фотографии (см. пункт 168 выше), напоминал человека, который отрезал ухо заявителя; однако он не мог утверждать, что это определенно был тот же самый человек, так как инцидент произошел задолго до этого.

(iii) Заявления г-на П.

184. Г-н П., который с февраля по май 2000 года был прикомандирован из Ханты-Мансийска и проходил службу в Октябрьском ВОВД, заявил в ходе допроса 14 августа 2000 года, что он вел расследование уголовного дела в отношении заявителя, что голова заявителя была забинтована и что на допросе заявитель показал, что четыре или пять неизвестных лиц отрезали ему за день до задержания сотрудниками Октябрьского ВОВД. Г-н П. также показал, что ни заявитель, ни он сам не знали, кто отрезал ухо заявителя и что заявитель получил необходимую медицинскую помощь во время его содержания под стражей.

185. В ходе допроса 21 марта 2002 года г-н П. заявил, что он не помнил, как выглядел заявитель, имел ли заявитель какие-нибудь телесные повреждения, была ли его голова перевязана, были ли у него какие-то жалобы на избиения в ИВС Октябрьского ВОВД и получил ли он какую-либо медицинскую помощь. По словам г-на П., он слышал, что кто-то отрезал ухо заявителю. Однако он не помнил, кто сказал ему об этом происшествии, и он не знал, кто мог совершить это действие.

186. В ходе допроса 9 сентября 2002 года г-н П. заявил, что он не знал, кто из сотрудников милиции мог нанести телесные повреждения заявителю и отрицал факт кражи какого-либо имущества заявителя.

(iv) Показания г-на Б.

187. Г-н Б., который в период с февраля по май 2000 года был прикомандирован из Ханты-Мансийского АО в Чеченскую Республику в качестве начальника ИВС Октябрьского ВОВД, показал во время допроса 6 сентября 2002 года, что он фактически приступил к исполнению своих обязанностей начальника ИВС с конца марта — начала апреля 2000 года, а до этого времени его в ИВС не было, ввиду отсутствия необходимого распоряжения. По словам г-на Б., когда заявитель был доставлен в ИВС, у него были свежие раны, нанесенные в результате ампутации уха, которую, согласно заявителю, совершил неизвестный мужчина, одетый в камуфляжную форму. Г-н Б. отрицал, что был знаком с заявителем или видел его ранее, и он не знал лиц, которые отрезали ему ухо или проникли в камеру заявителя. Он утверждал, что сообщил об инциденте в прокуратуру города Грозного, которая рассмотрела этот случай и отказалась возбуждать

уголовное дело. Он также заявил, что слышал от кого-то, что заявитель объяснил, что за день или два до задержания ухо ему отрезали неизвестные члены незаконных вооруженных формирований из-за отказа заявителя сотрудничать с ними.

188. В ходе допроса 26 ноября 2003 года г-н Б. сообщил, что он узнал об инциденте, произошедшем 11 марта 2000 года, на следующий день. В частности, ему сказали, что в ту ночь несколько пьяных человек проникли в камеру заявителя, и один из них отрезал ему на ухо. По словам Б., они, вероятно, были сотрудниками группы особого назначения Октябрьского ВОВД. Г-н Б. не знал, почему не было внутреннего расследования в Октябрьском ВОВД в связи с причинением травм заявителю. Он настаивал, что исполнял свои обязанности в строгом соответствии с распорядком и никогда не использовал никакие формы физического насилия в отношении задержанных и получал никакой информации о насилии со стороны своих подчиненных.

(v) Показания г-на З.

189. Г-н З. на допросе 28 марта 2003 года подтвердил, что несколько раз в качестве охранника дежурил в ИВС Октябрьского ВОВД. Вместе с тем, он отрицал, знал фамилию заявителя или обстоятельства его ареста. Г-н З. также утверждал, что он не помнил, был ли он на дежурстве в какой-либо день с 9 по 11 марта 2000 года, пропускал ли он кого-либо в камеру и было ли "чье-то ухо [...] отрезано в камере". Г-н З. также показал, что первоначально посещения в ИВС не регистрировались, а впоследствии посетителей записывали в блокнот.

190. В ходе 28 апреля 2003 года г-н З. заявил, что он хорошо заполнил заявителя, которого задержали за хранение тротиловой шашки и содержали в одной камере с г-ном К. Затем г-н З. показал, что он не запомнил точную дату, когда он находился на дежурстве и когда группа сотрудников спецгруппы Октябрьского ВОВД прибыла в ИВС. По словам г-на З., сотрудники были пьяны и сказали впустить их в камеру заявителя, так как им поручено поговорить с заключенными. Г-н З. подчинился. Он утверждал, что не смотрел на происходящее в камере, однако спустя некоторое время он услышал стон и заглянул в камеру. Г-н З. увидел заявителя на корточках с одним отрезанным ухом. На полу было много крови. Сотрудники специальной группы находились там же, однако г-н З. не мог вспомнить, у кого был нож или кто отрезал ухо заявителя. По словам г-на З., он "выразил свое недовольство", после чего сотрудники ушли. После этого г-н З. и еще один охранник оказали заявителю медицинскую помощь. Г-н З. также подтвердил, что сотрудник узбекского происхождения по фамилии Аб. служил в Октябрьском ВОВД в то время, но он не помнил, находился ли г-н Аб. в камере, когда заявителю отрезали ухо, и был ли у г-на Аб. фотоаппарат.

191. На допросе 4 мая 2003 года г-н З. дал показания, аналогичные 28 апреля 2003 года.

(vi) Показания г-на Дж., г-на А., г-на Ш. и г-на В.

192. В ходе допроса 12 октября 2001 года г-н Дж., который с февраля по май 2000 года был сотрудником Октябрьского ВОВД, показал, что в конце

марта или начале апреля 2000 года г-н А., работавший водителем в Октябрьском ВОВД, сказал ему, что он купил за 200 долларов две машины у сотрудников прикомандированных из Ханты-Мансийского АО. По словам г-н Дж., один автомобиль был оставлен в Грозном, а другой передан в Урус-Мартан и оставлен во дворе дома г-на Дж., где оставался около года. Г-н Дж. далее показал, что однажды заявитель приехал в Урус-Мартан и просил вернуть автомобиль ему, так как он является владельцем. Заявитель якобы обвинил г-на Дж. в краже другого его имущества. Г-н Дж. заявил, что он дважды предложил заявителю забрать автомобиль, но последний отказался, утверждая, что г-н Дж. должен также вернуть другие похищенные вещи. По словам г-на Дж., тогда автомобиль забрали федеральные военнослужащие.

193. Г-н А. показал в ходе допроса в качестве свидетеля 13 октября 2001 года, что в конце февраля или начале марта 2000 года он вместе с двумя другими сотрудниками милиции: г-ном Ш. и г-ном Сул. - встретили группу военнослужащих в камуфляжной форме на машине "Урал" и бронетранспортере, которые буксировали две иномарки. По словам г-на А., командир конвоя сказал, что они сотрудники Октябрьского ВОВД, и предложил купить у них две машины за 2000 рублей. Трое мужчин согласились купить автомобили, хотя, по словам г-на А., они не знали, откуда эти автомобили и кто были их владельцы. Г-н А. далее показал, что он и г-н Ш., г-н Сул. спрятали один автомобиль в соседнем дворе, а другой подогнали к их месту жительства, затем, спустя три месяца, — во двор дома г-на Дж. в Урус-Мартане. По словам г-на А., спустя четыре месяца заявитель сообщил, что хочет получить свои автомобили, и г-н А. сказал ему, что один из автомобилей был в Урус-Мартане, но заявитель не забрал тот автомобиль, однако взял тот, который остался в Грозном. Г-н А. добавил, что заявитель не возвращал им деньги, которые они заплатили за автомобили. Он также показал, что мог бы опознать сотрудников милиции, которые продали им автомобили.

194. На допросе 13 октября 2001 года г-н Ш. дал показания, аналогичные показаниям г-на А.

195. Г-н В. показал в ходе допроса 13 октября 2001 года, что в какой-то момент он заметил автомобиль во дворе дома, в котором жили он, г-н А., г-н Ш. и г-н Сул., и что они объяснили ему, как приобрели автомобиль от военнослужащих федеральных сил. Согласно показаниям г-на В., через месяц автомобиль перегнали во двор дома г-на Дж. в город Урус-Мартан, а через некоторое время, по словам г-на Дж., Г-н В. сказал заявителю, что тот может забрать автомобиль. Г-н В. утверждал, что заявитель не взял этот автомобиль, но забрал другой автомобиль, который оставался в Грозном.

196. Протокол допроса г-на Сул. от 13 октября 2001 года является неразборчивым.

197. В ходе допроса 15 января 2003 года г-н А. отказался от своих показаний 13 октября 2001 года и заявил, что никогда не участвовал в покупке автомобилей. Он также утверждал, что слышал от г-на Дж., что последний купил автомобиль у г-на Я., заместителя начальника Октябрьского ВОВД.

198. В ходе допроса 14 мая 2003 года г-н А., г-н Ш. и г-н В. дали

показания, частично совпадающие с теми, которые дали 13 октября 2001 года. В частности, они заявили, что примерно в конце зимы 2000 года они вместе с г-ном Дж. встретили колонну военной техники, состоящую из автомобиля "Урал" и бронетранспортера, которые буксировали два автомобиля иностранного производства, и что г-н Дж. купил автомобили, забрал один автомобиль в Урус-Мартан и другой оставил во дворе Октябрьского ВОВД. По словам трех мужчин, заявитель встречался с г-ном Дж. в Урус-Мартане несколько месяцев спустя и попытался получить автомобиль, но г-н Дж. сказал, что вернет машину в обмен на сумму денег, равную той, которую он потратил на покупку автомобиля.

(vii) Показания других лиц

199. Г-н Дуб., который в период с февраля по май 2000 года был прикомандирован в Чеченскую Республику из Ханты-Мансийского АО в должности начальника Октябрьского ВОВД, показал в ходе допроса 15 марта 2002 года, что он помнит задержанного с ампутированным ухом, которого доставили в Октябрьский ВОВД. Г-н Дуб. настаивал, что ни один из сотрудников милиции не отрезал ухо задержанному и что прокуратура Грозного провела расследование происшествия и приняла решение не возбуждать уголовное дело. Г-н Дуб. показал, что заявитель сказал ему в разговоре, что ухо было отрезано до задержания, и что это сделал один из людей в камуфляжной форме, которые разрушили дом заявителя. В ходе допроса 12 мая 2003 года г-н Дуб. дал аналогичные показания. Он также добавил, что в течение всего периода его командировки на территории Октябрьского ВОВД не было ни иномарки, ни спутниковой антенны.

200. В ходе допроса 3 сентября 2002 года свидетель г-н С., сотрудник, проводивший обыск в доме заявителя на 5 марта 2000 года, отрицал факт изъятия или кражи каких-либо предметов собственности заявителя.

201. В ходе допроса 6 сентября 2002 года свидетель г-н Кир., прикомандированный в период с февраля по май 2000 года из Ханты-Мансийского АО в Чеченскую Республику как сотрудник ИВС Октябрьского ВОВД, утверждал, что он слышал от своих коллег, что заявитель был доставлен в ИВС с отрезанным ухом. По словам г-на Кир., никто из сотрудников милиции не причинял телесных повреждений заявителю в его присутствии, и последний получал регулярную медицинскую помощь в связи с отрезанным ухом. Г-н Кир. также показал, что узнал от заявителя, что его ухо отрезали за два или три дня до задержания.

202. Г-н Я., который в период с февраля по май 2000 года был прикомандирован в Чеченскую Республику из Ханты-Мансийского АО в должности заместителя начальника Октябрьского ВОВД, показал в ходе допроса 29 апреля 2003 года, что он не знал, как заявитель получил тяжелые телесные повреждения и что он не проводил расследование по данному факту, поскольку это не входило в его обязанности. Г-н Я. добавил, что он слышал от других сотрудников, что ухо заявителю отрезали неизвестные члены бандформирований из чувства мести за сотрудничество заявителя с федеральными силами. Г-н Я. отрицал факт кражи какого-либо имущества заявителя или продажи автомобилей, принадлежавших заявителю. Он показал, что он не знал г-на А. или г-на Дж., и не мог объяснить, почему они

утверждали, что приобрели автомобиль заявителя у него. Г-н Я. также добавил, что г-н С. (см. пункт 200 выше) сообщил ему об изъятии в ходе обыска 5 марта 2000 года спутниковой антенны заявителя.

203. Г-н С. на допросе 4 мая 2003 года вновь отрицал, что изымал какую-либо собственность заявителя во время обыска и показал, что ему непонятно, почему г-н Я. сделал подобное заявление. Г-н С. добавил, что во дворе дома заявителя был гараж, но он был пуст, и г-н С. не видел ни одного автомобиля во дворе. Г-н С. также пояснил, что обыск в доме заявителя был проведен в связи с полученной от Федеральной службы безопасности информацией о том, что заявитель предоставлял продовольствие и воду незаконным вооруженным формированиям.

204. Г-н Д., опознанный заявителем как сотрудник Октябрьского ВОВД, который отрезал ему ухо (см. пункт 165 выше), показал в ходе допроса 26 мая 2003 года, что фамилия заявителя ему не знакома. Он показал, однако, что заявитель, возможно, был человеком, которого он задержал в марте 2000 года по оперативной информации, полученной от правоохранительных органов, о том, что заявитель, который оказывал помощь Министерству по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям ЧР в распространении продуктов питания и воды для местных жителей, давал часть продовольствия боевикам. По словам г-на Д., группа сотрудников милиции на двух автомобилях прибыла к месту работы заявителя, и было принято решение арестовать заявителя, не привлекая внимания местных жителей. Г-н Д. подошел к заявителю и попросил его показать сотрудникам определенную улицу. После того, как заявитель сел в одно из транспортных средств, его доставили в Октябрьский ВОВД. Г-н Д. показал, что на момент ареста заявитель не имел видимых повреждений. Он добавил, что он никогда больше не встречал заявителя и решительно отрицал факт причинения ему травм. Г-н Д. показал, что не может объяснить, почему заявитель опознал его как человека, который отрезал ему ухо.

205. В деле также содержались протоколы допроса свидетелей из числа сотрудников милиции, которые участвовали в обыске в доме заявителя 5 марта 2000 года, и офицеров, которые проходили службу в Октябрьском ВОВД в соответствующий период. Все они отрицали факт изъятия каких-либо вещей из дома заявителя, в том числе любых транспортных средств, и ничего не знали о происхождении телесных повреждений заявителя.

3. Материалы из уголовного дела №61857

206. Согласно постановлению от 23 августа 2005 года, прокуратурой Чеченской Республики было возбуждено уголовное дело по статье 158 §3 (хищение при отягчающих обстоятельствах) и 167 §1 (умышленное нанесение вреда чужому имуществу) УК РФ в связи с кражей микроавтобуса Subaru и имущества из дома заявителя, разрушением дома и пристройки, что было установлено в ходе расследования по уголовному делу №12088. В постановлении говорилось, что вышеупомянутое имущество было украдено и уничтожено во время содержания заявителя в ИВС Октябрьского ВОВД. В документе говорилось далее, что хотя было заявлено о преступлении, но не

было никаких объективных доказательств, что оно было совершено сотрудниками Октябрьского ВОВД. Следователем было вынесено постановление о выделении соответствующих материалов из уголовного дела №12088 в отдельное производство.

207. Письмом от 29 сентября 2005 года из прокуратуры Октябрьского района материалы дела были направлены в Октябрьский РОВД для проведения расследования.

208. Согласно постановлению от 2 октября 2005 года, следователь Октябрьского РОВД принял дело к производству.

209. Согласно постановлению от 10 октября 2005 года, заявитель был признан потерпевшим по делу. Заявитель был уведомлен о соответствующем постановлении, и подписал его в тот же день.

210. В ходе допроса 10 октября 2005 года заявитель дал показания, аналогичные тем, которые оно представил в Суд (см. пункты 90-93 выше). Он также утверждал, что ряд должностных лиц из Октябрьского ВОВД, в том числе г-н Дж., г-н Я. и г-н Аб., принимали участие в разграблении его имущества.

211. В двух аналогичных постановлениях от 23 октября 2005 года и 10 января 2006 года было принято решение о приостановлении расследования по уголовному делу №61857. В кратком обосновании постановления говорилось, что не было возможности установить виновных, хотя "все возможные следственные мероприятия были проведены", а также содержалось распоряжение для управления уголовного розыска Октябрьского РОВД о розыске предполагаемых преступников. В постановлении не указано, какие именно меры были предприняты в ходе расследования.

212. Постановлением от 23 ноября 2005 отменялось постановление от 23 октября 2005 как незаконное и необоснованное, было принято постановление о том, что расследование возобновлено. В постановлении отмечалось, что необходимо было получить из материалов уголовного дела №12088 копии соответствующих допросов свидетелей для принятия необходимых процессуальных решений и провести другие следственные мероприятия.

213. Согласно постановлению от 10 декабря 2005 года, следователь принял дело к производству.

214. В письме от 26 декабря 2005 года следователь попросил прокуратуру Чеченской Республики направить ему копии допросов свидетелей, связанных с предполагаемым хищением имущества заявителя.

215. Документы, касающиеся расследования в период после декабря 2005 года, не были представлены в Суд. По данным Правительства, расследование по уголовному делу №61857 было приостановлено 10 января 2006 года, и 3 марта 2009 года прокуратура Чеченской Республики вынесла постановление о возобновлении следствия по делу.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

216. До 1 июля 2002 года действовал Уголовно-процессуальный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (УПК РСФСР) 1960 года. С 1 июля 2002 года вместо старого УПК РСФСР стал действовать новый УПК Российской Федерации.

217. Статья 125 нового УПК устанавливает судебный порядок рассмотрения решений следователя и прокурора, которые могут быть обжалованы в районный суд, который имеет право провести проверку законности и оснований названных постановлений.

218. Статья 161 нового УПК РФ запрещает разглашение данных предварительного следствия. Согласно ч. 3 этой статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком разглашение не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и не противоречит интересам предварительного расследования. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

219. Статья 209 нового УПК РФ в соответствующей части гласит, что никакие следственных меры не проводятся после приостановления предварительного расследования.

ПРИМЕНЯЕМЫЕ НОРМЫ ПРАВА

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

220. В своих замечаниях по вопросам приемлемости и существу настоящего дела Правительство утверждало, что жалоба должна быть объявлена неприемлемой, так как заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты. В ответ на вопросы Суда относительно существующих эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении жалоб заявителя по Статье 3 Конвенции и Статье 1 Протокола №1, Правительство представило в своих замечаниях по приемлемости, что заявитель получил статус потерпевшего по уголовным делам. №12088 и №61857, возбужденным по его жалобам на жестокое обращение и на предполагаемое хищение и уничтожение его имущества, и что его процессуальные права были разъяснены заявителю. По мнению Правительства, заявитель как потерпевший мог активно участвовать в расследовании и оказывать существенную помощь следственным органам, подавая жалобы и представляя доказательства, тем самым способствовал установлению обстоятельств преступления и личностей виновных. Правительство также указало, что согласно статье 125 УПК РФ, заявитель мог обжаловать в суде любое решение, действие или бездействие следственных органов, которые, с его точки зрения, могли навредить его процессуальным правам. В подтверждение этого аргумента Правительство сослалось на судебные решения по трем жалобам, не связанным с

обстоятельствами настоящего дела, а именно, решение Урус-Мартановского городского суда от 6 августа 2004 года, который обязал прокуратуру города Урус-Мартан возобновить расследование по факту исчезновения сына заявителя, решение Шалинского городского суда от 13 марта 2006 года и решение Урус-Мартановского городского суда от 1 августа 2005 года, согласно которым заявителям был разрешен доступ к уголовным делам.

221. Заявитель утверждал, что проводимое расследование по его жалобам на жестокое обращение и кражу его имущества не может считаться эффективным, так как неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, длится несколько лет и до сих пор не дало ощутимых результатов. Он далее утверждал, что в отсутствие каких-либо существенных выводов по уголовному расследованию у него не было шансов на успешное рассмотрение любого иска в порядке гражданского судопроизводства. В связи с этим он ссылаясь на его попытки подать гражданский иск о компенсации за потерю его имущества, который оказался бесполезным, потому что суды отказались рассматривать его иск в ходе гражданского судопроизводства (см. пункты 104-105 выше).

222. Суд считает, что эта часть предварительных возражений Правительства поднимает вопросы, связанные с эффективностью расследования уголовного дела, и что они тесно связаны с существом жалоб заявителя, и поэтому указанное возражение должно быть объединено с рассмотрением дела по существу Статьи 3 Конвенции и Статьи 13 в связи со Статьей 1 Протокола №1.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

223. Заявитель жаловался, что он подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и пыткам во время содержания под стражей, ссылаясь на методы жестокого обращения с ним со стороны сотрудников Октябрьского ВОВД. Он также жаловался, что не было проведено эффективное расследование его соответствующих жалоб. Заявитель ссылаясь на Статью 3 Конвенции, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

A. Доводы сторон

224. Заявитель настаивал на своей жалобе по Статье 3 в ее основных аспектах. Он также утверждал, что уголовное дело по факту жалоб на жестокое обращение проводилось неудовлетворительно. Заявитель указал, что расследование, которое приостанавливалось и возобновлялось много раз, имело длительные периоды бездействия, находилось в стадии рассмотрения на протяжении многих лет, так и не принесло никаких значимых результатов. Несмотря на жалобы заявителя, в которых он указал адреса предполагаемых преступников, по-видимому, так ничего и не было сделано, чтобы проверить эту информацию, и расследование неоднократно приостанавливалось из-за невозможности установить местонахождение

виновных. Кроме того, заявитель утверждал, что ему и его представителю отказали в доступе ко всем материалам уголовного дела, и что он не был должным образом информирован о ходе расследования.

225. Правительство заявило, со ссылкой на Генеральную прокуратуру, что "в ходе расследования был установлен факт нанесения телесных повреждений заявителю", но утверждало, что до выяснения всех обстоятельств преступления нет никаких оснований считать государство ответственным за предполагаемое жестокое обращение с заявителем. Кроме того, Правительство настаивало, что в ходе следствия по данному делу не нарушались требования Статьи 3 Конвенции, учитывая, что заявитель был признан потерпевшим и мог участвовать в уголовном судопроизводстве.

Б. Оценка Суда

1. Предполагаемое жестокое обращение со стороны властей

226. Суд неоднократно отмечал, что Статья 3 Конвенции закрепляет одну из фундаментальных ценностей демократического общества и как таковая запрещает пытки и/или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание (см., например, *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 62, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, и *Aydin v. Turkey*, 25 September 1997, § 81, *Reports* 1997-VI). Суд в очередной раз подчеркивает, что власти обязаны защищать физическую неприкосновенность лиц, содержащихся под стражей. В тех случаях, когда человек был взят под стражу здоровым, а в момент освобождения у него обнаружены травмы, на Государство возлагается обязанность предоставить достоверные объяснения происхождения этих травм. В ином случае может быть сделано предположение в пользу истца и в связи с этим может встать вопрос о нарушении Статьи 3 Конвенции (см. *Tomasi v. France*, 27 August 1992, Series A no. 241-A, §§ 108-111, и *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

227. При оценке доказательств Суд обычно придерживается стандарта доказывания, при котором доказательства "не должны вызывать разумных сомнений" (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 January 1978, Series A no. 25, pp. 64-65, § 161). Однако доказательством можно считать существование достаточно убедительных, ясных и непротиворечивых косвенных признаков или аналогичные неопровергнутые предположения. В случае, когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению властей, как в случае содержания под стражей под государственным контролем, возникают основания для серьезных предположений в отношении телесных повреждений, появившихся в период такого содержания под стражей. В таком случае можно считать, что бремя предоставления удовлетворительного и убедительного объяснения должно возлагаться на государство (см. *Ribitsch v. Austria*, решение от 4 December 1995, Series A no. 336, § 34, и *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

228. По данному делу, отрицая ответственность Государства за

предполагаемое жестокое обращение с заявителем, Правительство признало конкретные факты, изложенные в его версии событий. Во-первых, не оспаривалось, что заявитель содержался в заключении в период между 5 марта и 24 мая 2000 года. Кроме того, медицинские документы, выданные после освобождения заявителя, свидетельствуют о наличии различных телесных повреждений и указывают, в частности, что левое ухо заявителя отсутствует (см. пункты 60, 155 и 156 выше). Правительство никогда не утверждало, что эти травмы, за исключением ампутации левого уха, были нанесены заявителю до его задержания или после освобождения. Что касается ампутации уха заявителя, Правительство заявляло со ссылкой на показания четырех сотрудников Октябрьского ВОВД, что эта травма была нанесена заявителю неизвестными боевиками незадолго до задержания сотрудниками милиции (см. пункт 87 выше).

229. Суд не считает объяснение Правительства убедительным. Он отмечает, во-первых, что показания, на которые ссылается Правительство, не являются надежными. В действительности, только г-н Дуб, в то время начальник Октябрьского ВОВД, согласно его показаниям, вспомнил доставленного в Октябрьский ВОВД задержанного без уха (см. пункт 199 выше). Остальные три должностных лица, на которых ссылается Правительство: г-н П., г-н Кир. и г-н Я. никогда не утверждали, что они видели заявителя в момент ареста или сразу после прибытия его в Октябрьский ВОВД. А именно они утверждали, что слышали от своих коллег, что заявитель был доставлен в Октябрьский ВОВД с отрезанным ухом (см. пункты 184, 201 и 202 выше). Более того, в своих показаниях г-н П. отрицал, что помнит, как выглядел заявитель во время содержания под стражей, была ли его голова перевязана и были ли у него какие-нибудь телесные повреждения (см. пункт 185 выше).

230. Суд далее отмечает, что показания, на которые ссылается Правительство, противоречат показаниям г-на К., сокамерника заявителя, и г-на З., охранника ИВС Октябрьского ВОВД. Оба несколько раз последовательно описывали обстоятельства, при которых сотрудник Октябрьского ВОВД отрезал ухо заявителю во время его содержания под стражей (см. пункты 181-183 и 190-191 выше), о чем были сделаны заключения в ходе внутреннего уголовного расследования (См. пункт 176 выше).

231. И, наконец, главное состоит в том, что Правительство не подтвердило вышеупомянутые показания четырех офицеров какими-либо медицинскими свидетельствами о состоянии здоровья заявителя на момент прибытия в Октябрьский ВОВД и на момент окончания его нахождения там. В действительности, нет данных о том, что заявитель прошел медицинское обследование в какое-либо время в период его содержания под стражей в Октябрьском ВОВД, и обязанность организовать процедуру медицинского осмотра лиц, находящихся под стражей, возложена на Государство (см., *Salmanoğlu and Polattaş v. Turkey*, no. 15828/03, § 79, 17 March 2009).

232. Учитывая непротиворечивые и подробные утверждения заявителя, подтвержденные медицинскими документами, Суд приходит к выводу о том, что Правительство не предоставило удовлетворительных

доказательств того, что травмы заявителя вызваны чем-либо другим, нежели - полностью, главным образом или частично – тем обращением, которому они подвергались в период содержания под стражей (см. *Ribitsch*, цит. выше, § 34). Таким образом, он принимает версию событий, как она представлена заявителем.

233¹. Что касается серьезности актов жестокого обращения, Суд вновь подчеркивает, что для определения того, является ли конкретная форма жестокого обращения пыткой, необходимо учитывать содержащиеся в Статье 3 различия между понятиями "пытка" и "жестокое или унижительное обращение". Можно предположить, что посредством такого различия в Конвенции особо осуждается намеренное бесчеловечное обращение, причиняющее крайне серьезные и жестокие страдания. В прошлом Суд рассматривал дела, в которых установил, что имело место обращение, которое можно охарактеризовать только как пытки (см. *Aksoy*, цит. выше, р. 2279, § 64; *Aydin*, цит. выше, pp. 1891-92, §§ 83-84 and 86; *Selmouni*, цит. выше, § 105; *Dikme v. Turkey*, no. 20869/92, §§ 94-96, ECHR 2000-VIII; и из недавно принятых решений, *Bati and Others v. Turkey*, nos. 33097/96 и 57834/00, § 116, ECHR 2004-IV (выдержки)).

234¹. Далее Суд указывает на свою сложившуюся практику принятия решений, согласно которой в отношении лица, лишеного свободы, любое применение физической силы, которое не является абсолютно необходимым из-за поведения такого лица, унижает человеческое достоинство и в принципе является нарушением прав, провозглашенных Статьей 3 Конвенции. Суд указывает, что задачи следствия и неоспоримые трудности борьбы с преступностью не могут служить оправданием для ограничения той степени защиты, которая должна быть обеспечена в отношении физической неприкосновенности человека (см. *Tomasi*, цит. выше, р. 42, § 115, и *Ribitsch*, цит. выше, §§ 38-40).

235¹. В данном деле заявитель указал, что сотрудники Октябрьского ВОВД подвергали его различным формам жестокого обращения. В частности, они били его кулаками, пинали ногами, били прикладами автоматов и поджигали различные части его тела раскаленным металлическим стержнем. О степени жестокости обращения с заявителем свидетельствуют медицинские документы, в которых перечислены серьезные последствия такого обращения, в том числе травматическим путем были извлечены, по крайней мере, одиннадцать зубов, сломаны, по крайней мере, четыре ребра, имеются шрамы на левой стороне нижней челюсти (см. пункты 155-156 выше), вероятно сломан нос и травмирована правая нога, имеются шрамы на ладони правой руки (см. пункт 60 выше). Суд считает, что названные формы жестокого обращения вызывали у заявителя боль и страдания, которые причинялись ему намеренно, в частности, с целью вынудить его признаться в совершении вменяемых ему преступлений.

236¹. Суд особенно поразил инцидент 11 марта 2000 года, когда сотрудник Октябрьского ВОВД отрезал заявителю левое ухо. Суд считает, что это особо тяжкая и вызывающая отвращение форма жестокого обращения причиненного заявителю, что не только заставило заявителя

испытать физическую боль, но и привело к потере трудоспособности — полной потере слуха в левом ухе, и это повлекло за собой длительные негативные психологические состояния (см. пункт 156 выше). Этот метод жестокого обращения, несомненно, был применен к заявителю умышленно, его единственная цель состояла в том, чтобы вызывать у заявителя страх, душевные страдания и чувство униженности, оскорбить его человеческое достоинство и, возможно, сломить его физическое и моральное сопротивление. Суд находит шокирующим, что такой ужасающий акт насилия был совершен сотрудником милиции, который был, кроме того, представителем Государства, направленным в Чеченскую Республику для поддержания конституционного порядка в регионе и призванным защищать интересы граждан.

237. В настоящем случае заявитель, несомненно, пребывал в состоянии непрерывной физической боли и тревоги из-за неопределенности своей судьбы и вследствие того уровня насилия, которому подвергался в период содержания под стражей в Октябрьский ВОВД. В силу этих обстоятельств Суд приходит к выводу, что рассматриваемое в совокупности и с учетом его целей и степени серьезности обращение с заявителем и, в частности, ампутация левого уха, было равносильным пытке по смыслу Статьи 3 Конвенции. В самом деле, Суд пришел к этому выводу при рассмотрении любого этого основания в отдельности.

238¹. Следовательно, имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в этой связи.

2. Предполагаемая неэффективность расследования

239. В случаях, когда лицо обращается к властям с потенциально достоверной жалобой на жестокое обращение со стороны полиции в нарушение Статьи 3, это положение в сочетании с общей обязанностью Государства согласно Статье 1 Конвенции обеспечивать "каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», подразумевает проведение эффективного официального расследования. Такое расследование должно быть способно привести к выявлению и наказанию ответственных за нарушения (см. *Assenov and Others*, 28 октября 1998, *Reports* 1998-VIII, p. 3290, § 102, и *Labita v. Italy* [GC], no. 26772/95, § 131, ECHR 2000-IV). К минимальным требуемым стандартам эффективности, установленным практикой Суда, также относятся требования независимости расследования, его беспристрастности и возможности общественного контроля, а также требование особой тщательности и незамедлительности действий компетентных властей (см., например, *Chitayev and Chitayev v. Russia*, no. 59334/00, § 163, 18 January 2007).

240¹. По данному делу, как отмечает Суд, в некоторой степени было проведено расследование по жалобам заявителя на жестокое обращение. Он должен оценить, соответствовало ли расследование требованиям Статьи 3 Конвенции.

241¹. Как можно видеть из материалов, имеющихся в распоряжении Суда, расследование было начато 13 июля 2000 года, что можно считать

задержкой, и проводилось с недостатками и необъяснимым промедлением в принятии самых элементарных шагов. Очевидно, что более чем за год с момента начала расследования власти допросили заявителя только один раз 17 июля 2000 года — предполагается, что утверждение Правительства насчет этой даты является точным (см. пункт 70 выше) - и признали его потерпевшим 18 июля 2000 года (см. пункт 157 выше), а также допросили г-на П. 14 августа 2000 года (см. пункт 184 выше). Хотя факт допроса последнего свидетеля внутренними органами вызывает сомнения, учитывая, что он был проведен на следующий день после того, как расследование было приостановлено (см. пункты 71 и 124 выше), в то время как, согласно национальному законодательству, следственные меры не могут быть предприняты после приостановления уголовного дела (см. пункт 219 выше).

242¹. Несмотря на очевидную серьезность утверждений заявителя, власти, как представляется, не предприняли никаких попыток проверить место происшествия, и судебно-медицинский осмотр заявителя не проводился до 7 сентября 2001 года, то есть спустя более года с начала расследования. Кроме того, по всей видимости, этот осмотр не был проведен тщательно, в результате чего оказались необходимы дополнительные судебно-медицинские экспертизы (см. пункты 155, 166 и 174 выше). Суд также отмечает, что они не были назначены и проведены до 2003 и 2005 годов.

243¹. Кроме того, не ясно, какие действия для установления личностей сотрудников милиции, которые проходили службу в Октябрьском ВОВД в соответствующий период времени, были предприняты до ноября 2001 года, когда следственные органы начали посылать запросы в различные правоохранительные органы в Чеченской Республике и Ханты-Мансийском АО с целью получения списка сотрудников милиции из Ханты-Мансийского АО, прикомандированных к Октябрьскому ВОВД в 2000-2001 годах, запрос их фотографий и протоколов допросов свидетелей (см. пункт 158 выше).

244¹. Суд также считает неприемлемым поведение властей Ханты-Мансийского АО и, в частности, высокопоставленных чиновников Ханты-Мансийского областного управления внутренних дел, которые препятствовали расследованию в установлении контактов между следователем, прикомандированным в данный регион, и их подчиненными, что позволило последним проигнорировать повестки следователя о вызове на допрос (см. пункт 130 выше).

245¹. Суд далее отмечает, что в период с ноября 2002 года по август 2003 года заявитель и г-н К., его сокамерник, опознали по фотографиям некоторых сотрудников милиции как лиц, причастных к преступлениям, на которые жаловался заявитель (см. пункты 159, 160, 162, 165 и 168 выше). Возмущающий отказ следственных органов в течение многих лет принимать какие-либо практические действия, направленные на дальнейшее расследование возможного участия этих сотрудников в совершении преступлений в отношении заявителя и, в частности, для поиска дополнительных доказательств причастности этих сотрудников в совершении преступлений, отказ организовать очную ставку этих офицеров с заявителем и г-ном К., отказ обеспечить юридическую квалификацию

действиям этих сотрудников и принять соответствующие процессуальные решения в их отношении, в том числе вынесение обвинения против них, применение меры пресечения к ним и подготовку обвинительного заключения — обо всем этом свидетельствуют постановления надзирающего прокурора, который неоднократно многие решения о приостановлении расследования определял как незаконные и преждевременные и указывал, что соответствующие распоряжения не были исполнены (см. пункты 131, 133, 134, 136, 140 и 142 выше). Это не было сделано до 20 февраля 2006 года, когда обвинения были, наконец, вынесены в отношении г-на Д., который был опознан заявителем 20 мая 2003 года как сотрудник милиции, отрезавший ему ухо (см. пункт 165 выше). Только 16 марта 2007 года обвинения были предъявлены г-ну Б. - предполагается, что утверждение Правительства в отношении этой даты, является точным. Г-н Б. был опознан заявителем 26 ноября 2002 года как сотрудник, который пытал его по прибытии в Октябрьский ВОВД (см. пункт 160 выше). Кроме того, не ясно, были ли предприняты какие-нибудь значимые следственные меры в отношении г-на Н. и г-на Аб., которые также были опознаны заявителем и г-ном К. как причастные к инциденту с ухом заявителя. Материалы, имеющиеся в распоряжении Суда, показывают, что следственные органы попытались вызвать г-на Аб. на допрос, но это оказалось безуспешным, так как он был в очередном отпуске (см. пункты 128 и 130 выше), также безуспешно следствие пыталось допросить г-на Н., который ушел с допроса и не вернулся (см. пункт 170 выше). Однако нет никаких доказательств того, что в отношении этих двух лиц в дальнейшем проводились какие-либо следственные мероприятия.

246¹. Кроме того, приходится признать следствие только как явно, если не умышленно некомпетентным, когда дело касается вопроса установления местонахождения сотрудников, опознанных заявителем и его сокамерником в качестве преступников. В частности, г-н З., сотрудник милиции, опознанный заявителем и г-ном К. как охранник изолятора временного содержания в Октябрьском ВОВД, который запустил в их камеру сотрудников, отрезавших затем ухо заявителя, был объявлен в федеральный розыск 19 мая 2003 года. Однако только спустя два года, в течение которых расследование приостанавливалось три раза из-за неспособности установить местонахождение г-на З., следственные органы, наконец, установили, что г-н З. жил по своему постоянному адресу (см. пункт 173 выше). Правительство не представило каких-либо объяснений, почему власти так долго не могли установить адрес постоянного проживания обвиняемого, который, по всей видимости, никогда не менялся.

247¹. Суд поражает тот факт, что после того как местонахождение г-на З. было установлено, расследование было приостановлено еще раз со ссылкой на отсутствие "реальной возможности" участия г-на З. в уголовном судопроизводстве, так как с него была получена подписка о невыезде, что якобы не позволяет ему прибыть в Грозный (см. пункт [135](#) выше). Суд отмечает, что, как правило, подобная мера пресечения применяется в целях предупреждения побега подозреваемых или обвиняемых лиц от правосудия, что могло бы воспрепятствовать расследованию. Абсурдно в данном случае,

что мера пресечения, которая предположительно была наложена на г-на З., для того чтобы обеспечить его участие в расследовании преступлений, в которых он подозревается, на практике препятствовала самому проведению расследования. В любом случае, даже если принять во внимание, что г-н З. действительно не мог приехать в Грозный, остается неясным, и Правительство не выдвинуло никаких объяснений на этот счет, почему следователь не смог выехать и не был отправлен в командировку в Ханты-Мансийский АО для проведения необходимых следственных мероприятий с г-ном З. на месте.

248¹. Суд не может не отнести такой существенный недостаток на счет крайнего непрофессионализма со стороны следственных органов и их очевидного нежелания расследовать преступления против заявителя и привлечь виновных лиц к ответственности. В контексте этого не было удивительным, что вскоре после того как местонахождение г-на З. было установлено, он, по всей видимости, скрылся от следственных органов еще раз (см. пункт 138 выше). И, по-видимому, любые дальнейшие попытки, которые были сделаны для установления его местонахождения или обнаружения других должностных лиц, причастных к совершению преступления, показывают бездействие следователей, на что было указано надзирающими прокурорами (см. пункты 144 и 148 выше).

249¹. Неадекватность и неэффективность расследования стали все более ощутимыми с течением времени. Не кажется очевидным, что следователи и надзирающие прокуратуры, которые вели дело, в последний период предприняли хоть какие-то усилия для изучения дела. В действительности в период между 28 мая 2007 года и 21 февраля 2009 года расследование было приостановлено четыре раза для розыска, в частности, г-на Б. (см. пункты 149 и 151 выше), тогда как, по мнению Правительства, уголовное дело против него уже было прекращено еще 20 марта 2007 года после его прошения о предоставлении амнистии согласно закону «Об амнистии» (см. пункт 84 выше). Кроме того, в постановлении от 19 января 2009 года содержатся указания по дальнейшему расследованию для проведения опознания заявителем г-на М. и допроса последнего с целью установить, был ли он тем человеком, который нанес заявителю телесные повреждения, несмотря на наличие в материалах уголовного дела решения, согласно которому г-н М. покончил жизнь самоубийством в 2001 году и, несмотря на тот факт, что 4 апреля 2003 года заявитель уже опознал г-на М. по фотографии как сотрудника милиции, который никогда не совершал никакого насилия в отношении него (см. пункты 153 и 161 выше). В этом последнем случае Суд не может не усмотреть в таком поведении властей попытку переложить ответственность с сотрудников милиции, которых заявитель опознал в качестве виновных, на умершего человека.

250¹. Наконец, Суд отмечает, что расследование уголовного дела в настоящее время находится на стадии рассмотрения, по крайней мере, восемь лет и семь месяцев с 13 июля 2000 года, то есть с даты, когда было возбуждено расследование, и до 21 февраля 2009 года, когда было вынесено последнее постановление о приостановлении дела. В течение этого периода уголовное дело было приостановлено и возобновлено тридцать семь раз и

имелись необъяснимые длительные периоды бездействия. По-видимому, на протяжении хода расследования заявитель, который был признан потерпевшим по делу 18 июля 2000 года, был проинформирован о ходе расследования лишь изредка и фрагментарно, и ему было отказано в доступе ко всем материалам уголовного дела (см. пункт [175](#) выше).

251¹. Напротив, в данной ситуации очевидно, что власти не были в состоянии действовать с должным трудолюбием и оперативностью и в целом, учитывая бездействие и недостатки в ходе расследования, весьма сомнительно, что следствие способно было привести к установлению и наказанию виновных лиц. Таким образом, ввиду того, что Правительство утверждало о возможности заявителя обратиться в суд с жалобой на действия или бездействие следственных органов, что предусматривалось статьей 125 УПК РФ, Суд отмечает, что Правительство не указало, какие конкретные действия или бездействия следователей заявитель должен был оспорить в суде. Кроме того, Суд отмечает, что этот упомянутый Правительством правовой инструмент вступил в действие с 1 июля 2002 года, и заявитель явно не мог прибегнуть к этому средству правовой защиты до указанной даты. Что касается последующего периода, то Суд отмечает, что на самом деле эффективность расследования была подорвана на самой ранней стадии отказом властей провести необходимые следственные действия, кроме того, расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось, а заявитель не имел доступа ко всем материалам уголовного дела и лишь изредка получал информацию о проведении расследования. Поэтому вызывает сомнение то, что средство, на которое ссылается Правительство, могло иметь какие-либо шансы на успех. Кроме того, Правительство не показало, что это средство правовой защиты было бы способно обеспечить компенсацию в ситуации заявителя - иными словами, не показало, что исправление недостатков в расследовании могло бы привести к установлению личностей виновных и их наказанию. Таким образом, Суд считает, что средство правовой защиты, зависящее от Правительства, было при таких обстоятельствах дела неэффективным по смыслу Конвенции. Суд находит, что заявитель не был обязан прибегать к подобному средству защиты, и отклоняет возражение Правительства.

252¹. При данных обстоятельствах Суд вынужден заключить, что власти не провели тщательного и эффективного расследования потенциально достоверных утверждений заявителя о жестоком обращении с ним в период содержания под стражей. Следовательно, по данному основанию имело место нарушение Статьи 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА №.1 КОНВЕНЦИИ

253¹. Заявитель жаловался, что его имущество было разграблено и разрушено представителями государства в тот период, когда он находился в заключении. Он ссылаясь на Статью 1 Протокол №1, которая предусматривает следующее:

"Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей

собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов".

А. Доводы сторон

254¹. Заявитель утверждал, в первую очередь, что хотя ему выплатили компенсацию за утраченное имущество в размере 350 тысяч рублей (что составляет приблизительно 9000 EUR), это не лишило его статуса жертвы в связи с его жалобой по Статье 1 Протокола №1. Он утверждал, что указанная компенсация имела внесудебный характер и, согласно соответствующему постановлению Правительства, была выплачена всем лицам, постоянно проживающим в Чеченской Республике, которые потеряли свои дома и имущество в ходе военных боевых действий в регионе, и не были приняты во внимание те обстоятельства, при которых это имущество было утрачено, а именно тот факт, были ли агенты государства ответственны за это преступления и в какой мере. Заявитель утверждал, что в вопросе утраты его собственности, он стремится установить ответственность государства за кражу и уничтожение его имущества на национальном уровне и в ходе рассмотрения его дела в Суде.

255¹. Заявитель также утверждал, что Правительство, по всей видимости, не оспаривало того, что три транспортных средства были похищены у заявителя и что его дом был разрушен. Что касается его другого имущества, то заявитель ссылается на отчет, в дан список утраченного имущества, с указанием его стоимости, которая была заверен в администрации Октябрьского района города Грозный (см. пункт 91 выше), и он сообщает, что не может предоставить какие-либо иные документальные доказательства в связи с этим, так как все соответствующие документы были сожжены в его доме. Заявитель настаивал на том, что Суд должен принять эти данные об имуществе, учитывая тот факт, что Правительство не представило Суду каких-либо доказательств, опровергающих его версию событий. Заявитель далее утверждал, что факт хищения его собственности военнослужащими государства был подтвержден несколькими свидетелями, соседями заявителя, имена которых он сообщил следственным органам, и что подобное нарушение его права собственности не имело никаких оправданий согласно Статье 1 Протокола № 1.

256¹. Правительство заявило, что властями было установлено, что собственность заявителя была похищена неизвестными лицами, и указало, что по данному факту проводилось расследование. Оно утверждало, со ссылкой на заключения внутреннего расследования, что нет никаких доказательств нарушения прав заявителя, гарантированных Статьей 1 Протокола №1 Конвенции, со стороны представителей государства.

Б. Оценка Суда

257¹. Суд отмечает, прежде всего, что заявитель получил внесудебную компенсацию в размере 350 тысяч рублей (около 9000 EUR) за его дом и иное имущество, утраченное за время вооруженного конфликта в Чеченской Республике в 1999-2002 годы. Возникает вопрос по Статье 34 Конвенции о том, может ли заявитель все еще претендовать на статус жертвы предполагаемого нарушения Статьи 1 Протокола №1. В связи с этим Суд повторяет, что заявитель не утрачивает его или ее статус жертвы, если национальные власти, зная о нарушении, прямо или по существу, не предоставили надлежащую и достаточную компенсацию нарушения Конвенции (см., например, *Scordino v. Italy (no. 1)* [GC], no. 36813/97, §§ 178-93, ECHR 2006-V). В данном случае, даже если предположить, что указанный платеж может рассматриваться в качестве компенсации за предполагаемые нарушения, не существует подтверждений того, что власти когда-либо признали факт этого нарушения, учитывая, как указал заявитель, что - по соответствующему указу Правительства - власти выделили одну и ту же сумму компенсации всем постоянным жителям Чеченской Республики, которые потеряли свои дома и имущество в течение военных действий в регионе, независимо от того, были ли ответственны агенты государства за уничтожение собственности, или без учета этого значения. Кроме того, остается невыясненным, что было предпринято по уголовному делу, возбужденному в связи с кражей и разрушением имущества заявителя (см. пункты 97 и 100 выше), или в ходе гражданского процесса, который был инициирован заявителем в попытках оспорить размер внесудебной компенсации (см. пункта 116 выше). Таким образом, Суд считает, что заявитель сохраняет статус жертвы по смыслу Статьи 34 Конвенции в связи с его жалобой на нарушение прав по Статье 1 Протокола №1.

258¹. Суд далее отмечает, что заявитель жаловался на поджог его дома в период нахождения заявителя под стражей и на то, что его имущество, а также три его автомобиля были украдены. Правительство не оспорило имущественных претензий заявителя в отношении права собственности на любой из объектов недвижимости, указанных заявителем, или тот факт, что имущество заявителя было разграблено. Однако Правительство отрицало, что ответственность за причиненный ущерб должны быть отнесена на счет представителей государства. Таким образом, Суд должен установить, могут ли заявленные действия быть отнесены на счет государства.

1. Предполагаемое уничтожение и разграбление дома заявителя, его имущества, пристроек к дому и микроавтобуса Subaru

259¹. Что касается дома заявителя, его имущества, пристроек и микроавтобуса Subaru, то Суд отмечает, что 23 августа 2005 года уголовное производство по делу №61857 было возбуждено в связи с уничтожением и кражей упомянутого выше имущества в период содержания заявителя под стражей в ИВС Октябрьского ВОВД. В соответствующем постановлении говорилось, что не было объективных доказательств причастности к данному преступлению сотрудников Октябрьского ВОВД. По всей видимости, такие доказательства не были получены и далее, на любом другом этапе расследования делу №61857.

260¹. Кроме того, в ходе гражданского судопроизводства, касающегося компенсации за утраченное имущество, заявитель утверждал, что его дом и другое имущество были разрушены во время обстрела, а не повреждены или украдены сотрудниками милиции (см. пункт 115 выше). В этом последнем случае, Суд повторяет свои выводы, сделанные ранее в подобных случаях. А именно то, что с учетом общей ситуации в регионе на тот момент, когда имели место ожесточенные столкновения между федеральными вооруженными силами и боевиками, в частности, в конце 1999 года и начале 2000 года, это считается актом двустороннего насилия, обусловленного действиями обеих сторон конфликта и имевшего в результате уничтожение имущества многих жителей Чечни. Суд не убежден, что в таких обстоятельствах Государство может или должно быть презюмируемо нести ответственность за любой ущерб, причинный в ходе военных действий, и что ответственность Государства обуславливается только лишь тем фактом, что имущество заявителя было уничтожено (см. *Umarov v. Russia* (dec.), no. 30788/02, 18 мая 2006, и *Trapeznikova v. Russia*, no. 21539/02, §§ 108-110, 11 декабря 2008).

261¹. В свете вышеизложенного и с учетом имеющихся в его распоряжении материалов Суд не может установить, что предполагаемое нарушение прав заявителя в отношении вышеупомянутой собственности должно быть отнесено на счет государства. Следовательно, не было нарушения Статьи 1 Протокола №1 в этой связи.

2. *Предполагаемая кража автомобиля Oldsmobile и автомобиля Subaru, принадлежавших заявителю.*

262¹. Что касается автомобилей заявителя Oldsmobile и Subaru, то Суд отмечает, что 30 августа 2001 года и 23 августа 2005 года соответственно были возбуждены уголовные дела за номерами 15082 и 61856 по факту кражи этих двух транспортных средств "сотрудниками Октябрьского ВОВД" (см. пунктов 97 и 100 выше). Оба дела были объединены в одно производство под номером 12088 вместе с жалобой заявителя на жестокое обращение, со ссылкой на то, что все преступления были совершены одними и теми же сотрудниками (см. пункт 98 выше).

263¹. Как видно из документальных доказательств, представленных в Суде, в ходе расследования указанные два транспортных средства были обнаружены у г-на Дж., г-на А., г-на Ш., г-на Сул. и г-на В. - сотрудников милиции из Октябрьского ВОВД (см. пункт 167 выше). Отвечая на вопросы следствия по данному делу, сотрудники Дж., А., Ш. и В. дали показания, указывающие на вину сотрудников Октябрьского ВОВД, прибывших на службу из Ханты-Мансийского АО, и, в частности, на г-на Я. (см. пункты 192-198 выше). Кроме того, очевидно, что, по крайней мере, в какое-то время в ходе расследования органами власти была установлена причастность г-на Я. к краже автомобиля Oldsmobile, принадлежавшего заявителю (см. пункт 176 выше).

264¹. Постановлением от 20 февраля 2009 года следователь выделил отдельное производство по расследованию хищения и уничтожения собственности заявителя, в том числе его автомобилей Oldsmobile и Subaru

(см. пункт [102](#) выше). Суд не считает это решение обоснованным хотя бы потому, что не было сделано каких-либо выводов о ходе расследования или конкретно разъяснены причины выделения дела в отдельное производство, кроме краткого заявления о том, что преступление, связанное с хищением имущества, не имело отношения к существу дела, расследуемого в рамках производства по делу №12088.

265¹. Суд далее отмечает, что с 30 августа 2001 года и 23 августа 2005 года, соответственно, и до 20 февраля 2009 года власти провели расследование хищения автомобилей заявителя Oldsmobile и Subaru в рамках уголовного производства по делу №12088, которое Суд признал выше как неэффективное. По всей видимости, что, как и при невыполнении адекватного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, так и в данном случае власти не предприняли никаких практических действий, таких, например, как организация очной ставки между сотрудниками милиции А., В., Ш., Сул., Дж. - до того пока последний был еще жив — и г-ном Я., для того чтобы изучить любые возможные и существенные обстоятельства кражи двух автомобилей заявителя. Материалы, имеющиеся в распоряжении Суда, показывают, что следственные органы только проверили адрес, по которому г-н А., г-н В., г-н Ш. и г-н Сул. предположительно проживали на тот момент, когда автомобили заявителя были украдены (см. пункт [167](#) выше).

266¹. Суд не может согласиться с доводом Правительства о том, что в ходе расследования не были доказательства причастности представителей государства к краже двух автомобилей заявителя. Напротив, он считает, что имеются достаточные основания считать установленным, что автомобили Oldsmobile и Subaru, принадлежавшие заявителю, были похищены агентами государства, и что в связи с этим имело место нарушение права заявителя, гарантированного Статьей 1 Протокола №1.

267¹. Суд также отмечает, что не было каких-либо объяснений со стороны государства по вопросу бездействия его сотрудников в расследовании этого дела. Соответственно, он находит, что имело место нарушение прав заявителя на собственность, гарантированного Статьей 1 Протокола №1, в отношении украденных у него автомобиля Oldsmobile и автомобиля Subaru.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

268¹. Заявитель утверждал, что у него не было эффективных средств правовой защиты в отношении нарушения его прав, гарантированных Статьей 3 Конвенции и Статьей 1 Протокола №1, что противоречит статье 13 Конвенции, которая гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

А. Доводы сторон

269¹. Заявитель утверждал, что единственным потенциально эффективным средством правовой защиты от заявленного жестокого обращения и жалоб относительно собственности было уголовное дело, который в принципе должно было привести к установлению виновных лиц и привлечению их к судебной ответственности, что, следовательно, должно было дать ему возможность получить компенсацию за материальный и моральный ущерб. Заявитель, однако, настаивал на том, что расследование по его делу не соответствовало требованиям Конвенции об эффективности.

270¹. Что касается гражданско-правовых средств защиты, заявитель указал, что согласно прецедентной практике Суда, такие средства были явно недостаточными по его жалобам в соответствии со Статьей 3 Конвенции. Что касается его жалобы по Статье 1 Протокола №1, заявитель утверждал, что его ситуация аналогична обстоятельствам дела *Ayubov v. Russia* (no. 7654/02, § 100, 12 February 2009), и заявил, касаясь конкретных деталей дела, что в отсутствие каких-либо значимых результатов расследование его жалобы по вопросам хищения собственности, делает любой иск в процессе гражданского судебного разбирательства не имеющим реальные шансы на успех. В связи с этим он сослался на решение от 14 октября 2002 года, в котором Октябрьский районный суд отказался рассматривать иск заявителя о восстановлении своего имущества, так как дело должно было рассматриваться в ходе уголовного разбирательства (см. пункт 104 выше).

271¹. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителя имелись эффективные средства правовой защиты, как этого требует Статья 13 Конвенции, и что власти не препятствовали его праву воспользоваться такими средствами. В частности, заявитель был признан потерпевшим по делам номер 21088 и 61857, возбужденным по его жалобам на жестокое обращение, а также на кражу и уничтожение его имущества соответственно, и что он мог бы воспользоваться его процессуальными правами, которые ему были разъяснены. По мнению Правительства, заявитель получил обоснованные ответы на все его запросы в рамках уголовного производства и, следовательно, имел эффективные средства правовой защиты в отношении его жалобы по Статье 3 Конвенции.

272¹. Кроме того, что касается иска заявителя о потере собственности, то Правительство указало, что заявитель имел в своем распоряжении два способа, способных обеспечить компенсацию за утраченное имущество. Во-первых, имелся в виду правительственный закон о порядке выплаты компенсации отдельным лицам, которые потеряли свои дома, квартиры, личные вещи и другое имущество в результате конфликта в Чеченской Республике, согласно которому заявитель получил 300 тысяч рублей (примерно 7700 евро) за его дом и 50 тысяч рублей (примерно 1300 евро) за другое имущество — это были максимально возможные суммы компенсации, согласно решению суда. Во-вторых, кроме права получить внесудебную компенсацию, заявитель также мог требовать компенсацию за свои предполагаемые потери в процессе гражданского судебного рассмотрения, если он считает, что сумма внесудебной компенсации была ниже, чем действительный причиненный материальный ущерб. Правительство указало, что заявитель использовал эту возможность, его

претензии рассматривались в порядке гражданского судопроизводства; и тот факт, что его попытки оказались безуспешными по причине неспособности заявителя обосновать свои требования, не означают, что данное средство правовой защиты является неэффективным. Правительство, таким образом, настаивает, что заявитель имел эффективные средства правовой защиты по своей жалобе в соответствии со Статьей 1 Протокола № 1.

Б. Оценка Суда

273¹. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу «потенциально достоверной» жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государством дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по Статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя согласно Конвенции. Тем не менее, правовое средство защиты, требуемое Статьей 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти Государства-ответчика (см. *Audin*, цит. выше, § 103).

274¹. Когда лицо делает потенциально достоверное утверждение о жестоком обращении с ним в нарушение Статьи 3 Конвенции, понятие эффективного средства защиты предполагает, помимо тщательного и эффективного расследования, как этого требует Статья 3, наличия эффективного доступа жалующегося к процедуре расследования и возможность получения компенсации, где это уместно (см. *Aksoy*, цит. выше, pp. 2286-87, §§ 95 и 98; и *Assenov and Others*, цит. выше, § 117).

275¹. Суд напоминает, что, как было установлено ранее, заявитель делал достоверные утверждения о жестоком обращении с ним представителей власти, а расследование на национальном уровне было неадекватным. Поэтому любое другое доступное заявителю средство защиты, включая иск о компенсации, имело ограниченные шансы на успех. Хотя гражданские суды могут давать собственную оценку фактов, на практике результатам предварительного уголовного расследования уделяется такое большое значение, что даже самые убедительные доказательства обратного, представленные истцом, часто отклоняются судом как «не имеющие отношения к делу» (см. *Menesheva v. Russia*, no. 59261/00, § 73, 9 марта 2006). и *Chitayev and Chitayev*, цит. выше, § 202). Поэтому Суд считает, что заявитель был лишен эффективного средства правовой защиты на национальном уровне в отношении жестокого обращения со стороны милиции. Следовательно, по данному основанию имело место нарушение Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции.

276¹. Что касается жалобы заявителя по Статье 13 в связи со Статьей

1 Протокола №1 относительно кражи двух его автомобилей, то Суд принимает его аргумент о том, что единственным потенциально эффективным внутренним средством правовой защиты в данных обстоятельствах было бы адекватное уголовное расследование. В связи с этим он ссылается на свои выводы о неэффективности расследования жалобы заявителя на жестокое обращение по уголовному делу №12088. Суд считает эти выводы верными и в отношении расследования кражи автомобилей Oldsmobile и Subaru, учитывая, что в течение нескольких лет эти преступления расследовались в рамках одного уголовного дела.

277¹. Он также считает - так же, как уже было указано выше в пункте 275 о наличии эффективных средств правовой защиты в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении - что при отсутствии любых значимых результатов расследования кражи гражданский иск о компенсации ущерба за похищенные транспортные средства вряд ли имел какие-либо шансы на успех, в частности, потому что отрицалась причастность агентов государства к совершению преступления. С учетом этого Суд отклоняет аргумент Правительства о том, что заявителю была предоставлена возможность подать гражданский иск с требованием компенсации, так как это последнее право было иллюзорным и бессмысленным. Что касается аргумента Правительства о том, что заявитель получил внесудебную компенсацию за утраченное имущество, то, как Суд уже отметил выше, эта компенсация было выделена без учета конкретных обстоятельств, при которых было утрачено имущество заявителя. Кроме того, стоимость утраченного имущества не было принята во внимание, так как сумма, выплаченная за потерю собственности, исключая жилище, не превышала 50 тысяч рублей (около EUR 1300). При таких обстоятельствах Суд не убежден, что компенсация, на которую ссылается Правительство, может быть рассмотрена как эффективное средство правовой защиты за предполагаемые нарушения.

278¹. Таким образом, Суд отклоняет предварительное возражение Правительства в соответствующей части и считает, что относительно кражи двух автомобилей заявителя не было каких-либо эффективных внутренних средств правовой защиты от предполагаемого нарушения его прав, гарантированных Статьей 1 Протокола №1. Следовательно, имело место нарушение Статьи 13 в этой связи.

V. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

279. Заявитель утверждал, что отказ Правительства раскрыть все материалы уголовного дела представляет собой неисполнение им своих обязательств по Статье 38§1(a) Конвенции, которая в своей редакции на 1 июня 2010 года в соответствующие части гласит следующее:

"1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.

..."

280. Правительство указало, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса. Оно также указало, что предлагало делегации Суда ознакомиться с материалами уголовного дела на месте ведения предварительного расследования. Оно также заявило, что принимает во внимание возможность, предоставляемую Правилom 33 Правил Суда об обеспечении конфиденциальности представленных материалов, но заметило, что Суд не может гарантировать, что раскрытые заявителям или их представителям материалы не станут публичными. По мнению Правительства, в отсутствие санкций в отношении заявителей за раскрытие секретной информации или материалов нет гарантий исполнения ими требований Конвенции и Регламента Суда.

281¹. Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб в соответствии со Статьей 34 Конвенции крайне важно, чтобы Государства обеспечили все необходимые материалы для проведения тщательного и эффективного рассмотрения жалоб (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], по. 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). В исполнение данного обязательства Государства должны предоставлять Суду все необходимые материалы, проводит ли Суд расследование по выяснению фактов или в соответствии со своими общими обязанностями рассматривает жалобы. Когда Правительство, располагая такой информацией, не предоставляет ее без удовлетворительного объяснения, это может не только привести к выводу о том, что жалобы заявителя обоснованы, но и негативно отразиться на степени соблюдения Государством его обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, по. 3531/94, § 66, ECHR 2000-VI). В деле, в котором заявители поднимают вопрос об эффективности расследования, материалы уголовного дела крайне существенны для установления фактов и их отсутствие может препятствовать надлежащему изучению Судом, как на стадии приемлемости, так и при рассмотрении дела по существу (см. *Tanrikulu*, цит. выше, § 70).

282¹. Суд отмечает, что после того как данная жалоба была признана частично приемлемой, он обратился к Правительству, в частности, с просьбой представить информацию о ходе расследования после ноября 2005 года по делу №12088, касающемуся жестокого обращения с заявителем и кражи его автомобилей Oldsmobile и Subaru, а также для предоставить копии всех документов из материалов уголовного дела, относящихся к указанному периоду. Данные, содержащиеся в этих материалах, расценивались Судом как существенные для установления фактов настоящего дела. Правительство раскрыло только несколько документов (см. пункт 121 выше). Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось предоставить какие-либо материалы уголовного дела.

283. Суд отмечает, что Правительство не просило о применении Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичности в отношении подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Далее Суд отмечает, что положения Статьи 161 УПК, на которые ссылается Правительство, не запрещают

предоставление кому-либо документов по делу до окончания следствия, но устанавливают порядок и ограничения такого раскрытия информации. Правительство не объяснило, каким образом представление запрошенных материалов повлияет на интересы следствия ли вовлеченных лиц (см. *Mikheyev v. Russia*, по. 77617/01, § 104, от 26 января 2006 года). Суд также указывает на некоторые рассматриваемые Судом сходные жалобы, где в ответ на аналогичные запросы Правительство РФ представило документы из материалов дела без ссылок на Статью 161 УПК (см., например, *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, № 57942/00 и 57945/00, § 46, 24 февраля 2005, или *Magomadov and Magomadov v. Russia*, № 68004/01, §§ 36 и 82, 12 июля 2007), или согласилось предоставить материалы уголовного дела, даже если изначально ссылалось на статью 161 (см. *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, §§ 62-63).). По этим причинам Суд считает объяснения Правительства относительно предоставления материалов дела недостаточными для обоснования отказа раскрыть ключевую информацию, запрашиваемую Судом.

284. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении и краже двух его автомобилей.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

285¹. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

А. Ущерб

286¹. В части компенсации материального ущерба заявитель утверждал, что в результате жестокого обращения с ним в период его содержания под стражей в отделении милиции его здоровье и, в частности, слух значительно ухудшились, поэтому у него были значительные финансовые расходы на лечение травм. Более того, по словам заявителя, в будущем ему понадобится специальная медицинская помощь, особенно в связи с проблемами слуха. Заявитель утверждал, что он не сохранил какие-либо документы, подтверждающие размер его медицинских расходов. Однако он представил медицинские справки о состоянии его здоровья и, в частности, медицинские документы о том, что он прошел ультразвуковое и рентгеновское обследования и что он получил медицинскую помощь в связи с травмой правой руки. Поэтому он требовал 7000 евро в качестве компенсации за свои прошлые и будущие медицинские расходы. Заявитель также требовал 11,393,408.82 рублей (около 300.000 евро) в качестве

компенсации материального ущерба за украденное и уничтоженное имущество, утверждая, что эта сумма лишь приблизительно характеризует стоимость утраченного имущества. Что касается морального ущерба, то заявитель потребовал 1.000.000 евро в качестве компенсации за травмы, полученные им в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, и за потерю своего имущества.

287¹. Правительство оспаривало требования заявителя о компенсации материального ущерба, утверждая, что они необоснованные и не подкреплены никакими надежными документами. Кроме того, Правительство утверждало, что требование заявителя о компенсации морального ущерба является чрезмерным, утверждая, что признание самого факта нарушения будет достаточно для удовлетворения.

288. Суд указывает, что должна существовать ясная причинно-следственная связь между ущербом, компенсации которого требует заявитель и который в соответствующих делах может включать компенсацию за потерю заработка, и нарушением Конвенции (см., среди других прецедентов, *Çakıcı v. Turkey* [GC], № 23657/94, § 127, ECHR 1999-IV). Суд считает, во-первых, что было признано нарушение Статьи 3 Конвенции в связи с пытками, которым заявитель подвергся в заключении. Кроме того, он представил медицинские документы, подтверждающие плохое состояние его здоровья и тот факт, что он обратился к медицинской помощи в связи с его травмами. Суд подразумевает, что заявитель имел некоторые расходы на лечение, и считает, что существует четкая причинно-следственная связь между медицинским лечением и нарушением Статьи 3 Конвенции, что было установлено. В отсутствие каких-либо убедительных доказательств, касающихся требований заявителя о компенсации медицинских расходов, и исходя из принципа справедливости, Суд считает разумным присудить ему 5000 евро в связи с этим (см. *Makhauri v. Russia*, по. 58701/00, §§ 138-39, 4 October 2007).

289¹. Суд также отмечает, что он нашел нарушение Статьи 1 Протокола №1 относительно кражи сотрудниками милиции двух транспортных средств заявителя: автомобилей Oldsmobile и Subaru. Поэтому заявитель справедливо требует компенсации за это нарушение. Суд далее отмечает, что в подтверждение своих требований заявитель предоставил документы, из которых следует, что обе машины были изготовлены в 1989 году, что было заверено администрацией Октябрьского района г. Грозный (см. пункт 91 выше). В этом отчете заявитель указал, что стоимость автомашины Oldsmobile составляла 12.000 долларов США и стоимость Subaru была около 7.500 долларов. Суд считает, эти суммы завышенными, учитывая, что на момент кражи автомобилям было одиннадцать лет, и заявитель не представил документы, объективно доказывающие стоимость машин на тот момент. Суд также учитывает тот факт, что заявитель получил на национальном уровне 50.000 рублей (примерно 1300 евро) в качестве внесудебной компенсации за утраченное имущество (см. пункта [115](#) выше). На этих основаниях и исходя из принципа справедливости, Суд считает разумным присудить заявителю 4000 евро в этой части его требований компенсации материального ущерба.

290¹. В целом Суд присуждает заявителю 9.000 евро в качестве компенсации за материальный ущерб, понесенный в результате выявленных нарушений, плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

291¹. В отношении требований заявителя о компенсации морального вреда Суд вновь ссылается на свои вышеупомянутые выводы о нарушении Статьи 3 и 13 Конвенции и Статьи 1 Протокола №1 в связи с пытками со стороны властей и отсутствием адекватного расследования по причине нарушения права на собственность, из-за отсутствия эффективных внутригосударственных средств защиты от подобных нарушений. Более того, Суд установил, что Правительство не выполнило обязательств по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных Судом. Заявитель пережил страдания и стресс в этих обстоятельствах, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает 70.000 евро заявителю в качестве компенсации морального вреда, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

В. Судебные расходы и издержки

292. Заявителя в Суде представляли юристы организации SRJI. Они предоставили список понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 9.226,54 евро, в том числе 8.530,50 евро за 64 часа, затраченных сотрудниками SRJI на подготовку и написание материалов по жалобе, 98,90 евро за услуги курьерской почтовой службы при отправке документов в Суд и административные расходы в размере 597,14 евро (7% от указанной суммы по работе юристов).

293¹. Правительство указало, что заявители должны взыскивать возмещение только тех издержек и расходов, которые были реально понесены и были разумны.

294. Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявительницей, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI). Суд отмечает, что дело было довольно сложным, особенно ввиду большого количества подтверждающих документов, и требовало изучения и подготовительной работы в том объеме, который указан представителем.

295¹. При данных обстоятельствах и учитывая детализацию требований, поданных заявителями, Суд присуждает им в полном объеме требуемую сумму 9.226,54 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве правовой помощи от Совета Европы, вместе с любыми налогами, которыми может облагаться эта сумма, включая налог на добавленную стоимость. Эта сумма, предназначенная для возмещения издержек и расходов, должна быть выплачена непосредственно представителю заявителей.

С. Выплата процентов

296. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклонил* предварительное возражение Правительства;
2. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в части жестокого обращения, от которого пострадал заявитель;
3. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в части непроведения властями адекватного и эффективного расследования жалоб заявителя на жестокое обращение;
4. *Постановил*, что не имело место нарушение Статьи 1 Протокола №1 в отношении предполагаемого уничтожения и разграбления дома, имущества, пристроек и микроавтобуса Subaru, принадлежавших заявителю;
5. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 1 Протокола №1 Конвенции в отношении кражи автомобиля Oldsmobile и автомобиля Subaru, принадлежавших заявителю;
6. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 13 Конвенции в связи со Статьей 3 Конвенции и Статьей 1 Протокола №1 Конвенции, в части, касающейся кражи автомобиля Oldsmobile и автомобиля Subaru, принадлежавших заявителю;
7. *Постановил*, что имело место несоблюдение Статьи 38 Конвенции в части отказа Правительства предоставить запрошенные Судом документы;
8. *Постановил*
 - (А) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить заявителям следующие суммы, которые за исключением суммы, подлежащий уплате на счет банка в Нидерландах, должны быть конвертированы в российские рубли по курсу на день оплаты:
 - i. 9000 EUR (девять тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации материального ущерба;
 - ii. 70000 EUR (семьдесят тысяч евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;
 - iii. 8,375.54 EUR (восемь тысяч триста семьдесят пять евро и пятьдесят четыре цента) плюс любой налог, который может быть отнесен на счет заявителя, в отношении судебных расходов и издержек;
 - (Б) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;
9. *Отклонил* оставшуюся часть жалобы заявителя о справедливом

возмещении

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 7 октября 2010 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен, Секретарь

Кристос Розакис, Председатель